

приемный
покой

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ
ДОКТОР
ДАНИЛОВ
В

МЧС

Еще больше опасностей!
Еще больше черного юмора!

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в МЧС

«Автор»

2013

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в МЧС / А. Л. Шляхов — «Автор»,
2013 — (Доктор Данилов)

ISBN 978-5-17-078471-4

Доктор Данилов неожиданно для себя устраивается в мобильный госпиталь МЧС! Это самое необычное и самое экстремальное место работы для современного врача! Землетрясения, взрывы, крушения поездов, пожары... и чудачки, «наколовшиеся» на кладбищенскую ограду – все ждут помощи. Несмотря на то, что фактически каждое дежурство – это опасное приключение, у Данилова все больше поводов для черного медицинского юмора. Вроде бы, жизнь налаживается... Но если наш любимый доктор не ждет неприятностей, то это не значит, что неприятности забыли о нем.

ISBN 978-5-17-078471-4

© Шляхов А. Л., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Шляхов Доктор Данилов в МЧС

Как и следовало ожидать от художественного произведения, все имена, должности, названия и события выдуманы автором. Если вы тем не менее нашли какое-то сходство с реальностью, то это, согласитесь, ваши проблемы... И ваша ответственность. А чья еще еще?

Мы с каждым днем все хуже. И каждый, и все человечество с каждым днем все хуже. И поэтому, если говорить о качестве людей, то лучшие всего тот, кто это чувствует, т. е. тот, кому с каждым днем все хуже и хуже.

Венедикт Ерофеев. «Бесполезное ископаемое»

Мечты! Вечные мечты! И чем взыскательнее и утонченнее душа, тем дальше ее мечты от возможного. Каждый человек носит в себе свою дозу природного опиума, непрестанно источаемую и возобновляемую вновь; и между рождением и смертью много ли мы насчитаем часов, что наполняли нас истинной радостью от поступка удачного и решительного?

Шарль Бодлер. «Парижский сплин. Стихотворения в прозе» Перевод Т. Источниковой

*На лодочной на станции работаю спасателем,
И ангелом-хранителем зовут меня не зря.
Хотите, не хотите ли – спасу вас обязательно.
Ведь все, кого я выручил, теперь мои друзья!
Ах, друзья мои, друзья,
Как вы там живете-можете?
Ах, друзья мои, друзья,
Теперь вы все моя родня!
Когда-нибудь, когда-нибудь
Вы тоже, тоже мне поможете!
Когда-нибудь от одиночества
Спасете вы меня».*

Вячеслав Добрынин. «Спасатель»

Глава первая Мобильный спасательный отряд «Главспас»

Устройство на работу по протекции хорошо тем, что результат известен заранее, а все собеседования сугубо формальны. Есть такой ритуал, значит, надо его соблюсти. Но любой механизм, даже самый безупречный, иногда дает сбой...

– Ох, уж покочевали вы с места на место... – понимающе прищурился кадровик, рассматривая трудовую книжку Данилова. – Я-ясно...

– Да, там есть что почитать, – улыбнулся Данилов.

– Да, – согласился кадровик, поправляя левой рукой очки. – А что у вас в госпитале МВД произошло? Отовсюду уходили по собственному, а там восемьдесят первая, пункт шесть?

Из Федерального клинического госпиталя МВД Данилова уволили согласно пункту шестому восьмьдесят первой статьи ТК как сотрудника, допустившего однократное грубое нарушение трудовых обязанностей. Причиной стал конфликт с высокопоставленным пациентом, который вел себя по-хамски, и в конце концов, как говорится, коса нашла на камень: Данилов ответил на грубость, пациент оскорбился, и понеслось...

– Повздорил с генералом, лежавшим в отделении. – Вдаваться в подробности не было смысла, все равно ведь будет звонить и уточнять.

– Просто поругались? – уточнил кадровик. – Типа, обменялись репликами, и все?

– Да, можно сказать и так.

– И вас уволили?

– Генерал оказался обидчивым, а я не люблю, когда меня путают с тряпкой для вытирания ног.

– Кто же это любит? – Кадровик усмехнулся. – Разве что мазохисты какие-нибудь...

На лице его было написано большими буквами: «Вернул бы я тебе, дорогой мой, твою трудовую вместе с заявлением, да не могу, потому что словечко за тебя замолвили».

– «Если бы да кабы...» – подумал Данилов, уже привыкший к отказам, как прямым («Вы нам не подходите!»), так и к уклончивым («Мы вам позвоним»). Вторых было гораздо больше, но сути дела это не меняло: в какую красивую бумажку ни заворачивай горькую пилюлю, она все равно останется таковой.

Впрочем, в протекциях тоже ощущалась определенная горечь. Данилов предпочитал устраивать свою жизнь самостоятельно. Но когда множество подобных попыток не привело к желаемому результату, пришлось прибегать к крайним средствам, в частности к помощи жены.

После небольшой паузы кадровик принял решение.

– Я тут, это... поработаю пока с документами, а вы в коридоре подождите, пожалуйста, – попросил он Данилова. – Полчасика посидите. Я вас приглашу...

Нетрудно было догадаться, что он хочет посоветоваться с начальством или же справиться в госпитале МВД, возможно, сделать и то, и другое. Данилов понимающе кивнул и вышел.

Коридор, как и полагается любому уважающему себя учреждению, был увешан информационными стендами. Структура, задачи, история, достижения, руководство, лучшие сотрудники...

Лицо одного из лучших работников показалось Данилову смутно знакомым, даже не столько оно, сколько характерный взгляд исподлобья в сочетании с двойной глубокой складкой на переносице. Под фотографией было написано: «Заместитель начальника медицинской службы отряда «Главспас», начальник мобильного госпиталя, кавалер ордена Мужества, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации Дмитрий Геннадьевич Сошников». Данилов порылся в памяти, но такую фамилию так и не отыскал. Ему удалось припомнить среди знакомых врачей одного Дмитрия Геннадьевича, но тот был гораздо старше, совершенно непохож на фото, к тому же он вряд ли мог работать заместителем начальника медицинской службы, потому что по был окулистом по специальности и алкоголиком по призыванию. Человек, начинающий день не с чашечки кофе, а со стакана водки, вряд ли способен руководить мобильным госпиталем. Хотя, как учит отечественная история, некоторые и странно ухитрялись руководить, не просыхая.

Сошников выглядел лет на десять старше Данилова, поэтому вариант, что они пересекались в студенческие годы, исключался. Попытка представить бородатого Сошникова без нее оказалась неудачной: неизвестно, что именно представлять. «Показалось, наверное, – решил Данилов, – или все же сталкивались где-нибудь мельком, а лицо почему-то запало в память».

Насколько было известно Данилову, из его знакомых в медицине катастроф работал только доктор Федулаев, с которым они вместе трудились несколько лет на одной подстанции «Скорой помощи». Только работал он не в мобильном госпитале МЧС, куда на должность

анестезиолога-реаниматолога устраивался Данилов, а в гражданском подразделении – центре медицины катастроф, полностью называвшемся Научно-практическим центром экстренной медицинской помощи (сокращенно ЦЭМП). ЦЭМП занимается чрезвычайными ситуациями в столице. Не всеми, разумеется (в Москве их случается не менее десяти в секунду), а только теми, которые связаны с массовым скоплением людей, большим количеством пострадавших или, например, затрудненностью доступа к месту происшествия.

– Владими-ир Александрови-ич, – приглашающе пропел кадровик, выглянув в коридор минут через пятнадцать. – Заходи-ите.

Выражение лица у него было таким, словно он только что решил трудную задачу.

Данилов наивно понадеялся, что все препятствия отпали и сейчас начнется оформление, но ошибся.

– С вами хочет побеседовать заместитель начальника нашей медицинской службы Сошников.

Радость кадровика стала понятна. Главный принцип бюрократии – поскорее спихнуть принятие решения на кого-то другого. Чем меньше ответственности, тем лучше аппетит и крепче сон.

– ...Вы так удачно приехали, Дмитрий Геннадьевич сегодня на месте, что нечасто случается, в последнее время застать его трудно.

Уточнять, для кого удачно, Данилов не стал: и так было ясно, что для кадровика.

«Ну все, пошла игра в ведомственный футбол, – подумал Данилов. – Получил мячик – передай другому, и так до тех пор, пока с поля не выбьют». Одолели легкие сомнения в целесообразности происходящего. На лестничной площадке между вторым и третьим этажами Данилов остановился и позвонил Елене.

– Тебя уже можно поздравить?! – обрадовалась та.

– Не совсем, – ответил Данилов. – Тут какие-то непонятки.

– А именно? – Голос жены мгновенно стал напряженным. – Что случилось?

– Главному по кадрам не понравилась моя трудовая книжка.

– Ничего удивительного, – хмыкнула Елена. – Она даже не главному по кадрам не может понравиться. Кадровикам нравятся книжки с одной-двумя записями.

– «Принят на работу» и «уволен в связи со смертью».

– Вроде того. Так ты еще в процессе?

– Сейчас иду на собеседование к замначальника госпиталя, то есть к начальнику мобильного госпиталя, который одновременно заместитель начальника медицинской службы отряда. Запутаешься в должностях. Короче, к начальнику иду я.

– Удачи! А чего ты, собственно, звонишь на полдороге? Посоветоваться хочешь? Или передумал?

– Не передумал, а хотел уточнить два момента. Первый: говорила ли ты кому-нибудь насчет нюансов моей трудовой биографии? Второй: стоит ли продолжать?

– Говорила. Все, говорила как есть: что ты меняешь работы как перчатки, а из госпиталя МВД тебя заставили уйти. Правда, с оговоркой, что виной тому не какие-то пагубные привычки, но характер. Мне ответили, что это не страшно, пусть приходит. Так ты все-таки передумал? Что так?

– Да не передумал я. Просто хотел спросить, чтобы определиться. Может, нет смысла... Кстати, с кем именно ты разговаривала?

– Какая тебе разница? Все равно ты его не знаешь.

– Скажешь – буду знать.

– Во-первых, могут быть у меня секреты? Наверное, да. Во-вторых, я сейчас очень занята...

– Извини, что отвлек.

– Пстой! – поспешно сказала Елена. – Ты что, обиделся, что тебя не встречают хлебом-солью, песнями и танцами? Поэтому решил врубить задний ход?

– Я не обиделся и ничего решил. И при чем тут хлеб-соль? Просто хотел уточнить, стоит ли терять время дальше, если вот...

– Данилов! – Елена немного повысила голос. – Ты опять за свое? Или тебе хочется разъезжать по Сибири на медицинском поезде? (Медицинский поезд – передвижной консультативно-диагностический центр. На железных дорогах России функционируют пять подобных центров – на Дальневосточной, Северной, Красноярской, Западно-Сибирской и Восточно-Сибирской железных дорогах.)

– Почему? – удивился Данилов. – Разве я когда-нибудь говорил, что хочу разъезжать на медицинском поезде, да еще по Сибири?

– Да потому что все остальное ты уже перепробовал! Впрочем, нет, в Центре подготовки космонавтов ты тоже еще не работал...

– А что – это мысль! – подхватил Данилов. – Спасибо за подсказку. Надо будет узнать, не нужны ли там анестезиологи...

– Зачем они там, разве что для того, чтобы космонавтам наркоз перед стартом давать? – пошутила Елена. – Ты давай, Данилов, не впадай в мнительность: начал дело – доведи его до конца. Желательно до хорошего. А я постараюсь сегодня удрать с работы пораньше, чтобы отметить твоё трудоустройство.

Пораньше означало часов в шесть вечера. У Елены как у директора регионального объединения скорой помощи (региональное объединение состоит из нескольких московских подстанций, расположенных по соседству друг с другом. Заведующий одной из подстанций («головной подстанцией») является по совместительству директором региональной зоны в статусе заместителя главного врача Станции скорой и неотложной медицинской помощи г. Москвы) ненормированный рабочий день, да и вся жизнь такая же. Могут среди ночи разбудить звонком с работы, бывает и так, что телефонным разговором дело не ограничивается, приходится собираться и ехать на работу.

– Если начать отмечать каждое мое устройство на работу, то можно быстро спиться, – в свою очередь пошутил Данилов.

– Не все так мрачно, – приободрила Елена. – Все, больше ни секунды не могу говорить. Удачи тебе!

Елена отключилась. Данилов сунул телефон в карман джинсов и поднялся на третий этаж. Дверь нужного кабинета была приоткрыта на треть, поэтому стучаться Данилов не стал, просто спросил:

– Можно войти?

– Попробуйте, – ответил сипловатый, с хрипотцой, голос.

«Сертификационный цикл, занятие по медицинской сортировке на догоспитальном этапе, – сразу же вспомнил Данилов. – Точно, он самый. У него еще поговорка была: бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе. Обычно врачей (да и сестер тоже) учат, что в первую очередь надо помогать тем, кто наиболее нуждается в помощи. Сошников добавлял еще: «Если видно, что медицина здесь абсолютно бессильна, не тратьте драгоценное время: помогайте тем, кого еще можно вытянуть». Разумеется, подобное утверждение не могло не привести к этической дискуссии, едва не закончившейся срывом занятия. В целом, конечно, Сошников был прав: если одновременно имеешь дело с несколькими пострадавшими, надо оценивать не только тяжесть состояния, но и перспективу. Только как ее оценить, чтобы потом не было мучительно больно? Тяжелый выбор».

Не совсем уместное «попробуйте» заставило Данилова слегка напрячься. Звучала в нем не то насмешка, не то легкая издевка, не то высокомерие большого начальника. Что тут пробовать? Потянул дверь и перешагнул через порог, вот и всего дел.

Данилов решил, что не следует заострять внимание на всяких неприятных мелочах и начинать знакомство с негатива. Тем более с вероятным новым начальством. Поэтому он постарался не обращать внимания на вольготную, не вполне уместную в служебном кабинете позу (низкую посадку вполоборота к столу с закидыванием ноги на ногу), на снисходительный тон (создавалось впечатление, что Сошников старается подражать какому-нибудь тургеневскому барину) и на манеру перебивать собеседника на полуслове, задав вопрос и закончив ответ на него самому.

В конце концов, каждый волен самовыражаться как ему заблагорассудится. Хочешь быть клоуном – будь им. Веди себя соответствующе и задавай дурацкие вопросы. Такие вопросы следует задавать непременно, в них вся соль и суть ритуала. Как можно не поинтересоваться: «А почему именно к нам?» или не спросить: «Вы хорошо представляете себе особенности нашей работы?» Вполне уместна краткая речь, посвященная деятельности родного учреждения, ее важности, нужности и сложности. Новичок должен проникнуться и прочувствовать, тогда и отношение к новой работе будет соответствующим – вдумчивым и трепетным.

– Когда наш отряд только создавался, отбор был штучным, лучших из лучших брали, причем не только чтобы спец был, но и человек настоящий. Эх, знали бы вы, какие люди стояли у истоков...

Сошников прикрыл глаза и покачал головой, что должно было обозначать грусть, смешанную с восхищением.

«Иных уж нет, а те далече», – вспомнил Данилов из «Евгения Онегина».

– Настоящие люди, – повторил Сошников. – Универсалы. Я, например, помимо основной моей врачебной профессии специализировался по работам в загазованной среде и под водой, альпинизмом занимался довольно серьезно, через него в отряд и попал. Я, если уж к слову пришлось, дважды кандидат – медицинских наук и в мастера спорта по альпинизму.

Перечень достоинств Сошникова на этом не заканчивался. Дмитрий Геннадьевич знал два иностранных языка – английский и немецкий (в каком именно объеме, он не сказал), участвовал в ралли (видимо, не побеждал, иначе непременно бы упомянул об этом), входил в число авторов двухтомного «Руководства современного спасателя»... Наконец-то достоинства закончились, и в разговоре, то есть в монологе Сошникова возникла пауза.

Сошников смотрел на Данилова, можно даже сказать взирал, столько достоинства и величия было в его взгляде, а Данилов, в свою очередь, глядел на Сошникова и ждал продолжения.

Кто ждет, тот непременно дождется.

– А начинал я на «Скорой», как и вы, – продолжил Сошников. – У нас много скоропомощников.

– Это закономерно, – ответил Данилов. – Что такое мобильный спасательный отряд МЧС? По сути дела, та же самая «Скорая помощь», только с другими возможностями.

Судя по выражению лица Сошникова, сравнение ему не понравилось.

– Я бы не стал так упрощать и ставить знак равенства, Владимир э-э... Александрович... Наш отряд – это, без преувеличения, лучшее, что есть в отечественной медицине...

Логично, подумал Данилов, всякий кулик просто обязан хвалить свое болото. В особенности если он начальник. Начальству ведь свойственно сильнее любить свою работу, поскольку она дает им не только средства к существованию, но и власть над людьми, которая, как известно, вызывает зависимость не хуже любого наркотика. Но похвалив свое болото, Сошников пошел дальше – охаял чужое:

– ...и никакого сравнения со «Скорой помощью», структурой бестолковой и неорганизованной, быть не может.

«Я мзду не беру – мне за державу обидно», – говорил таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни». Данилов тоже испытал такие же чувства за родную «Скорую помощь».

– У меня о «Скорой» сложилось другое впечатление, – сказал он и уточнил: – Более позитивное. Были, конечно, бестолковые и неорганизованные сотрудники, но вряд ли по ним стоит судить о всей структуре.

– У каждого свои впечатления, – хмыкнул Сошников. – Я вот люблю порядок, кому-то нравится, когда порядка мало и можно делать что заблагорассудится.

– Да, каждый смотрит на мир со своей колокольни, – кивнул Данилов.

Сошников уловил скрытый намек, поморщился и перевел разговор на Данилова.

– А вы чем можете похвастаться, кроме диплома и трудовой книжки? – спросил он.

– Наверное, ничем, – скромно ответил Данилов, думая о том, что хорошо, конечно, уметь проводить спасательные работы под водой или в загазованных средах, но врачу мобильного госпиталя эти умения – как, например, умение играть на скрипке. Дело врача – лечить. – Я вообще хвастаться не мастер.

– А соображаете быстро?

– Стараюсь не тормозить, – ответил Данилов, удивляясь про себя как форме вопроса, так и его содержанию. – Причем сначала думаю, а потом делаю. Как учили.

– А хорошо ли соображаете? – Сошников склонил голову набок и испытующе прищурился. – Знаний хватает? У нас же не простой госпиталь. Мы занимаемся всем, что только может случиться, поэтому нам нужны специалисты широкого профиля, причем прекрасно разбирающиеся во всем.

– Вроде бы хватает, – сухо ответил Данилов, подумав о том, что прекрасно разбираться во всех направлениях медицины невозможно, это все равно что пытаться объять необъятное.

Вообще, вопрос Сошникова был глупым, неуместным, можно сказать, риторическим. Интересуешься знаниями кандидата – устрой ему экзамен или тестирование, тогда сразу все станет ясно. Это правильнее, чем свысока спрашивать: «Знаний хватает?» Тем более что любой анестезиолог-реаниматолог по определению является врачом широкого профиля, как, например, терапевт. Чем только не приходится заниматься в отличие от офтальмологов или проктологов.

– «Вроде бы», – уцепился за слово Сошников. – Вроде бы всем всего хватает – и знаний, и денег. А на деле... Да еще в чрезвычайных ситуациях... Не все справляются, далеко не все. Слышали пословицу: бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе?

– Да.

Сошников выдержал очередную паузу, словно предоставляя Данилову возможность убедить его в том, что уж он-то справится, но Данилов предпочел промолчать. Чего зря языком трепать?

– И работать нам иногда приходится по несколько дней подряд. Да что там иногда, очень часто приходится. У нас не как на «Скорой» – сутки отработал, двое или трое дома. У нас – чрезвычайные ситуации!

«Как будто на «Скорой» плановые», – подумал Данилов.

– А про условия и говорить нечего, иногда никаких условий нет, а дело выполнять надо. Случайные люди у нас не задерживаются, понюхают порошу и сразу же уходят. Работа у нас, конечно, престижная, но очень трудная. Про такое понятие, как личная жизнь, можете сразу забыть!

– Неужели совсем? – не без иронии уточнил Данилов.

– Почти! – отрезал Сошников. – Даже если вам кажется, что у вас есть личная жизнь, то знайте, что это всего лишь мираж. В любой момент вас могут выдернуть из-за стола, из постели, иногда из отпуска, потому что где-то в очередной раз что-то произошло...

Как веревочке ни виться, а концу все равно быть: в какой-то момент заместитель начальника медицинской службы взглянул на часы, оборвал свою речь на полуслове и отправил Данилова обратно в кадры с флегматичным напутствием:

– Ну, давайте попробуем.

Получасовой аудиенции Данилову хватило для того, чтобы без сомнений занести Сошникова в личный список неприятных людей. Надо сказать, что этот факт его совершенно не огорчил, потому что жизнь давно приучила к тому, что в каждой бочке меда непременно должна присутствовать ложка (стакан, ведро, бочка поменьше) с дегтем или чем-то другим, настолько же малоприятным. Если даже сначала все складывается замечательно, то потом непременно случится нечто неприятное, и чем лучше все складывалось, тем неприятнее будет это самое «нечто». Вспомнить хотя бы Федеральный клинический госпиталь МВД...

Устроиться на работу в этот день так и не удалось.

– Пройдете медкомиссию, и тогда оформим, – сказал кадровик, выписывая Данилову направление. – Вам как врачу госпиталя – по сокращенной программе, за полдня уложите. Поликлинику нашу знаете центральную на Каховской?

– Нет.

– Вот адрес и схема проезда. Только не забудьте принести с собой что положено, чтобы второй раз не ездить.

– В смысле, бутылку? – уточнил Данилов. – Какую посоветуете? Коньяк, шампанское?

Голова после аудиенции у заместителя начальника медицинской службы стала тяжелой и соображалось туговато.

– Какую бутылку? – укоризненно произнес кадровик. – В поликлинику что приносить надо? Анализы! Кстати, имейте в виду, что тем, кто проходит медкомиссию, ответы по анализам выдаются в срочном порядке, в день сдачи, чтобы можно было пройти от и до в один день! Возьмите памятку, там все указано: и что принести, и кого пройти, и номера кабинетов проставлены...

Со стола в руки Данилова переключевала еще одна бумажка.

– Я работал в поликлинике, – улыбнулся Данилов, – даже в двух, ведь кожно-венерологический диспансер тоже поликлиника, только специализированная, и могу утверждать, что анализы стоят на последнем месте в списке того, что врачи мечтают получить от пациента.

– А вы точно не злоупотребляете? – насупился кадровик, не приняв шутки. – У нас с этим делом так строго, что даже и представить нельзя.

– Клянусь! – Данилов вытянулся в струнку и вскинул руку в пионерском салюте (в октябрьях и пионерах он успел побывать, а в комсомольцах уже не довелось).

– Жду с заключением, – коротко ответил кадровик, начав деловито перекладывать бумаги, лежавшие на его столе, с места на место.

Лицо его выражало некоторое сомнение в том, что Данилова сочтут пригодным к работе. А может, к концу рабочего дня человек попросту устал и оттого поскущел лицом.

Выйдя на улицу, Данилов позвонил Елене.

– Дали направление на медкомиссию, завтра поеду, – сказал он, не дожидаясь вопросов.

– Поздравляю!

– погоди, рано еще поздравлять. Вдруг не пройду комиссию.

– Да брось ты, Вова, это же пустая формальность! Ты же не в летчики устраиваешься! Флюорография, кардиограмма, покажите язык... Как будто сам не знаешь. Где будем отмечать?

– Не знаю, – замялся Данилов. – Может, потом отметим?

– Потом – суп с котом! Не хочешь отмечать – пригласи меня просто так, без повода, куда-нибудь – в уютное недорогое заведение с хорошей кухней.

– Увы, не получится, – вздохнул Данилов.

– Почему? – удивилась Елена. – У тебя какие-то другие планы на сегодняшний вечер?

– У нас нет шенгенских виз, а, как утверждает всезнающий Полянский, ближайшее уютное недорогое заведение с хорошей кухней можно найти только в Польше или в Финляндии.

– Зануда он, твой Полянский, такой же, как ты. И сноб вдобавок. Ладно, пусть будет дорогое и неудобное, лишь бы не отравили, и чтобы никаких гамбургеров с картошкой фри. На это я могу рассчитывать?

– Можешь, – заверил Данилов, прикидывая в уме, сколько времени понадобится ему на то, чтобы доехать от подмосковных Бронниц, где он сейчас находился, до центра Москвы.

Времени требовалось изрядно: около четверти часа идти пешком до станции (так, скорее всего, выйдет быстрее, чем ждать автобус или маршрутку, которых и на горизонте не было), почти час ехать до Выхина, и от Выхина на метро еще полчаса. А еще надо будет дожидаться электрички...

– Давай сделаем так: я позвоню тебе, когда окажусь в Москве. Заодно и подумаю насчет места.

Сложилось удачно: и электричка пришла не быстро, а мгновенно, стоило только Данилову появиться на платформе. Из-за нехватки времени билет пришлось покупать в поезде у кассира, сопровождавшего контролеров. На подъезде к Москве Данилов вспомнил о том, что лучший друг и великий знаток общепита Игорь Полянский пару раз хвалил ресторан «Поручик Голицын» где-то в районе Чистых прудов. Звонок другу позволил не только уточнить адрес, но и получить подтверждение того, что ресторан по-прежнему остается не пафосным, уютным и по московским меркам относительно недорогим.

– Правда, не все уже так хорошо, как раньше, – Полянский не мог обойтись без критики, – соленые огурцы испортились. Раньше были волшебные, хрустящие, с бруснично-клюквенным духом, сейчас такие же, как и везде.

Данилову на мгновение стало неловко от того, что в его представлении все соленые огурцы были, если можно так выразиться, на одно лицо, отличаясь от малосольных и маринованных. А тут, видите ли, «хрустящие, с бруснично-клюквенным духом»... Гурманство – это не прихоть и не способ самоутверждения, а врожденное состояние души.

Этим самым огурцом, точнее, его ломтиком, Данилов чуть было не подавился, когда услышал от Елены, решившей больше не делать тайны из того, к кому именно обращалась она по поводу его трудоустройства, что им был Сошников.

Когда полупрожеванный ломтик был проглочен, а дар речи полностью вернулся, Данилов переспросил:

– Ты разговаривала с Сошниковым???

– Да, а что тут такого необычного, чтобы так удивляться? Он приятель Свинойной, директора пятого региона («Регион» – сокращенное, жаргонное название регионального объединения «Станции скорой и неотложной помощи» г. Москвы). Они начинали работу на одной подстанции, с тех пор и дружат.

«Интересно, а свое мнение о «Скорой помощи» Сошников от бывших коллег скрывает или нет?» – подумал Данилов и решил, что, скорее всего, да. Уточнять у Елены он благодарно не стал, зная, что та непременно заведется и примется долго доказывать, что вторую такую отлично организованную структуру, как московская «Скорая», еще поискать надо, не факт, что найдется.

– И какое у тебя сложилось о нем мнение? – осторожно спросил Данилов.

– О Диме-то? – Елена пожала плечами, подумала несколько секунд и сказала: – Нормальное мнение, человек как человек, суховат, правда, немного, никогда не улыбается и не шутит. Выслушал мою просьбу, сказал, что грамотные анестезиологи им нужны и что он смотрит на человека, а не на его трудовую книжку. Короче говоря, дал добро. Еще поинтересовался есть ли у тебя загранпаспорт и нет ли ограничений по выезду за рубеж.

– А сегодня устроил мне показательное сольное выступление. Заливался соловьем, распускал хвост, сверкал перышками и, как мне показалось, всячески старался от меня изба-

виться. Страшал трудной работой, полным отсутствием личной жизни и прочими тяготами и лишениями. Да еще с таким видом... Ладно, замнем для ясности.

– Вова, не кипятись. – Елена положила вилку и нож на тарелку и накрыла обеими руками правую руку Данилова, едва слышно отбивавшую на столе «Турецкий марш» Моцарта. С чего бы эта мелодия вдруг пришла на ум Данилову, не смог бы объяснить и он сам. – Мало ли какое настроение случается у людей. Может, у него геморрой обострился или псориаз, вот и понесло человека. Есть вероятность, что такой метод, помогающий выявить будущего сотрудника, проверить его на вшивость, то есть на вменяемость, терпение, умение ладить с людьми и находить с ними общий язык. Насколько мне известно, в «Главспасе» придают очень большое значение умению уживаться в коллективе, не ухудшать психологическую обстановку.

– Тогда уж надо проще, – ухмыльнулся Данилов, – обложить с порога матом, дать в ухо, а то и пнуть разок для верности, и наблюдать за реакцией. Стерпит – берем, ответит тем же – не берем!

– Данилов, меняй настроение! – посоветовала Елена. – А то ведь занесет тебя нелегкая...

– ...на медицинский поезд, колесящий по маршруту Воркута – Магадан и обратно.

– Данилов!

– Я уже столько лет Данилов, что и вспомнить страшно, – попробовал отшутиться Данилов, но, заметив, как сузились глаза Елены, перешел на серьезный тон: – Не волнуйся, Лен, все будет в порядке. Не видал я, что ли, начальников со странностями? Кажется, Ремарк сказал: «Характер человека по-настоящему можно узнать, когда он станет твоим начальником».

– А мой характер ты тоже узнал по-настоящему, когда я стала твоей начальницей?

Елена нахмурилась, но веселые зеленые искорки, заплывавшие в ее глазах, показывали, что недовольство ее притворно. Гнев, не успев разгореться, сменился на милость.

– Твой характер, Лен, остается загадкой до сих пор. Иногда кажется, что я все про тебя знаю, а ты возьмешь и чем-нибудь удивишь.

– Никита в таких случаях говорит: «Мама, ты непостижима, как Эксель!» – рассмеялась Елена. – Никак не могу понять – комплимент это или наоборот.

– Конечно же да, – убежденно ответил Данилов. – Никаких наоборот.

– Комплимент – когда он говорит: «Мама, ты всегда права, даже когда ошибаешься!»

– Это уже чистейшей воды подхалимаж.

Глава вторая

Не стоит прогибаться под изменчивый мир

Если театру положено начинаться с вешалки, то почему бы ведомству не начинаться с ведомственной поликлиники? Тем более что именно с нее начинают новые сотрудники знакомство со структурой, в которой им предстоит работать.

Утром Елена вспомнила, что сегодня с четырех до восьми должны привезти и собрать заказанный по Интернету шкаф-купе в комнату Никиты (удивительно, каким образом у одного подростка может оказаться больше барахла, чем у двоих взрослых!).

– Как же я так перепутала! – сокрушалась она, недовольная тем, что придется срочно перекраивать график сегодняшнего дня. – Какая досада...

– Я могу сам справиться! – вызвался уже проснувшийся ни свет ни заря Никита, не упустивший ни единого случая доказать свою самостоятельность.

– Нет уж, дорогой мой! С тобой какой уговор? Ты можешь открывать дверь только знакомым!

– Но мне уже...

– Я прекрасно помню твой возраст и именно потому...

– Да я вернусь к четырем, – сказал Данилов. – На медкомиссию мне с лихвой хватит двух часов.

– Ой ли? – недоверчиво прищурилась Елена.

– Ну, самое большое – трех. Это все-таки не районная поликлиника с вечными очередями под каждой дверью, а ведомственная, да еще и центральная. Там, наверное, врачей больше, чем пациентов. К тому же медкомиссия эта – сущая формальность.

– Ключевое слово – не «ведомственная» или «центральная», а «поликлиника», – не сдавалась Елена. – И чем формальнее формальность, тем она дольше тянется, разве не так?

– Ах уж это вечное противостояние «Скорой» и поликлиник, – усмехнулся Данилов. – Война Алой и Белой розы, прекращающаяся лишь тогда, когда надо совместно выступить против какого-нибудь стационара.

– Это просто знание жизни, Данилов, – усмехнулась в ответ Елена. – Я постараюсь удрать с работы около трех, если ты освободишься раньше, то звони.

– Да мы еще с Никитой место успеем до их приезда приготовить, – пообещал Данилов.

Шкаф был заказан две недели назад. Под надзором Елены Никита трижды освобождал плацдарм для шкафа в углу своей комнаты, и всякий раз спустя несколько часов он оказывался заставленным, заваленным, занятым.

– Я всего лишь на минуточку поставил туда стул (коробку с коньками, колонку от музыкального центра), – оправдывался Никита, – потом положил на него (нее) книги (зимнюю куртку, рюкзак), а теперь и сам не понимаю, откуда взялась эта куча...

– Гномы тебе ее навалили? – саркастически интересовалась мать. – Или домовой поставился.

– Не исключено, – вздыхал Никита, страдальчески закатывая глаза. – В мире так много неразгаданных тайн...

В конце концов Елена сдалась. Махнула рукой, отвесив сыну подзатыльник, и сказала, что больше она этим Сизифовым трудом заниматься не желает (вообще-то разбор вещей занимался Никита, Елена всего лишь контролировала процесс и обеспечивала доведение его до конечного результата), но если только в день сборки шкафа отведенное ему место будет завалено и заставлено, то Никите не поздоровится. Как в прямом, так и в переносном смысле. Переносный смысл пугал куда сильнее, потому что означал долговременное, не меньше чем

на месяц, снижение финансирования до *minimum minimorum* («*Minimum minimorum*», *лат.* – наименьшее, самый малый предел).

В четверть девятого Данилов вышел из метро и за пять минут неспешным шагом дошел до длинного пятиэтажного бело-голубого здания с вывеской «Центральная поликлиника МЧС № 1».

Первым делом, как и во всех других поликлиниках, полагалось завестись амбулаторную карту, чтобы врачам было где оставлять свои автографы. Возле окошка регистратуры змеилась очередь из двух десятков человек, среди которых попадались люди в форменной одежде с погонами. Два капитана, три майора и один подполковник.

Подполковник, высокий, полный и багровый от ярости, стоял в голове очереди и кричал кому-то невидимому в регистратуре:

– Безобразие! В четвертый раз потеряли карту! Вы что, издеваетесь?! Как не приду, так завожу новую! И домой уносить не разрешаете.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – отвечал флегматичный женский голос, – нам для вас лишней карты не жалко. А домой карты уносить нельзя, им положено храниться в регистратуре.

– Как же можно не волноваться?! Там же данные обследования, анализы, вся моя история...

– Вся ваша история в личном деле. А насчет анализов не беспокойтесь, это в районных поликлиниках по одним анализам три года лечат, а у нас положено, чтобы каждый раз были свежие анализы и кардиограмма.

– Как же не беспокоиться?! Это же форменный бардак! Я требую, чтобы мне нашли мою старую карту!

– Требовать вы можете от подчиненных! – повысила голос регистратор. – Вы пришли к кардиологу или поскандальить?!

– Шел-то я к кардиологу...

– Вот и идите. Берите вашу карточку и идите, не мешайте работать! Видите, какая очередь собралась.

– Найдите мне мою старую карту!

– Где ж я ее найду?!

– Где хотите!

Стоявший за подполковником пожилой мужчина в сером костюме не выдержал и протиснулся мимо него к окошку. Подполковник пробурчал себе под нос что-то неразборчивое, взял с полочки у окошка тошненькую амбулаторную карту и пошел к лифту, морщась и потирая середину груди свободной левой рукой. Данилов подумал о том, что, скорее всего, кардиолог сразу же госпитализирует подполковника с гипертоническим кризом, а то и с нестабильной стенокардией.

Довольно скоро, не прошло и пяти минут, Данилов добрался до заветного окошечка, протянул в него свой паспорт, сказал, что должен пройти медицинскую комиссию и попросил завестись карту.

– Долго же вы спите! – удивилась с оттенком неодобрения регистратор – полная блондинка с брюзгливой маской на румянном лице. Щедрый румянец явно имел искусственное происхождение.

– Не понял? – удивился Данилов. – Разве поликлиника не до восьми вечера работает?

– Поликлиника-то работает, – вздохнула регистратор, уже, наверное, уставшая объяснять очевидное непонятливым, – только вот талоны к врачам выдаются в восемь утра, сразу же после открытия. Три минуты – и их нет!

«Пожалуй, Елена была права, – с тоской подумал Данилов. – Все поликлиники, за редким исключением, одинаковы».

Вместо амбулаторной карты Данилов получил совет.

– Приходите завтра, лучше к половине восьмого, чтобы не остаться без талонов. И карту сразу откроете.

– Спасибо, – приходить завтра Данилову не хотелось, не ближний свет, да и вообще жаль время терять, – но вы мне, пожалуйста, дайте карту сейчас. Я попробую без талонов.

– Ничего не получится, – регистратор покачала головой, – только зря нервы себе помогаете.

– Ничего, – ответил Данилов. – Попытка не пытка.

– Мое дело предупредить. – Регистратор снова вздохнула, но карту открыла.

«Данилкин Владимир Алексеевич», – прочел Данилов на обложке.

Пришлось задержаться еще на несколько минут, потому что, пока Данилов читал, регистратор занялась следующим по очереди и долго искала по всем стеллажам его карту.

«Как-то тут того... безалаберно», – подумал Данилов.

Настроение, бывшее с утра немного приподнятым, как, наверное, у любого или хотя бы у большинства устраивающихся на работу, безнадежно испортилось.

Данилов начал с лаборатории, тем более что для сдачи анализов талон не требовался. Надо отстоять две очереди: короткую – на сдачу баночки с мочой и длинную – на сдачу крови, и все. Через сорок минут Данилов поднялся к терапевтам.

Третий этаж гудел как потревоженный улей. Возле каждой двери, за исключением дверей туалетов и двух дверей с надписью красным по белому: «Служебное помещение», волновался и пререкался народ. Причина у всех была одна и та же, которая существует во всех амбулаторных учреждениях, где есть прием по записи или по талонам: часть очереди хочет пройти к врачу во время, указанное на талоне, а другие, талонов не имеющие (например те, кому назначен повторный прием, или те, кто пришел с острыми заболеваниями), стоят за то, чтобы прием велся в порядке живой очереди. Понять можно и тех, и других, ведь каждый прав по-своему. Счастливым обладателям талонов нет дела до очереди, а стоящим в очереди нет дела до талонов.

Время от времени из кабинетов высывались люди в белых халатах и рявкали:

– Тише! Вы мешаете работать!

Наиболее интеллигентные люди говорили немного мягче:

– Тише, пожалуйста! Вы мешаете работать!

Но глаза при этом грозно сверкали у всех. Очередь испуганно умолкала, но спустя две-три минуты кто-то, самый отчаянный, произносил: «Но это же несправедливо, мы с самого утра тут стоим» или же: «По-вашему, мы зря еще до открытия за талонами стояли?» – и все начиналось по новой.

«Найди три отличия от районной поликлиники», – обреченно велел себе Данилов и нашел целых четыре.

Во-первых, поликлиника была отремонтирована и обставлена лучше обычных районных, даже с некоторой претензией на роскошь. Так, например, повсюду были установлены не самые дешевые кондовые двери, а на порядок лучше. И банкетки в коридорах стояли не обычные, а со спинками, что не только делало удобным сидение на них, но и оберегало стены от порчи. Линолеум, которым были покрыты полы на втором и третьем этажах, выглядел новеньким, чуть ли не вчера уложенным, что с учетом количества проходящих по нему за день не один раз свидетельствовало о его высоком качестве, которое неразрывно связано со стоимостью. Лестница, по которой поднялся Данилов, была выстлана ковровой дорожкой.

Во-вторых, такого количества людей в форме среди пациентов в районных поликлиниках не увидишь.

В-третьих, обращала на себя внимание ослепительная белизна медицинских халатов и колпаков. Чувствовалось, что в поликлинике царит культ чистого халата. Хорошее, в общем-

то, дело: аккуратный вид медика подсознательно вызывает у пациента не только расположение, но и доверие.

В-четвертых, тут не пахло поликлиникой, не было того специфического запаха медицинского учреждения, главным компонентом которого является аромат хлорной извести, в просторечии именуемой хлоркой.

– Вперед! – негромко скомандовал самому себе Данилов и начал искать кабинет заведующего отделением.

Расчет его был прост: врачи, осаждаемые пациентами, могут отказать коллеге, пришедшему на медкомиссию без талона. Заведующий или заведующая отделением в силу своей административной сознательности отказать в решении проблемы не должны. Или талончики из какого-нибудь своего заглашника выдадут, или же распорядятся, чтобы Данилова принимали без талонов. В подобном случае талоны было бы уместно выдавать прямо с направлением и памяткой сразу же в отделе кадров. Или хотя бы предупреждать.

Данилов достал из кармана джинсовой куртки полученную вчера памятку, перечитал ее еще раз, но так и не нашел ни слова о том, что для прохождения медкомиссии надо предварительно запастись талонами. Помянув про себя недобрым словом тех, кто печатает неполные памятки и выдумывает глупые порядки, Данилов сложил бумажку, сунул ее обратно в карман и как раз в это мгновение увидел табличку «Заведующая терапевтическим отделением к.м.н. Павликова Ирина Александровна».

На банкетке возле двери сидело всего трое человек: пожилой лысый мужчина, на коленях которого лежала амбулаторная карта толщиной едва ли не с телефонный справочник, мужчина помоложе с потертым кожаным портфелем и женщина лет сорока, уткнувшаяся в книгу с яркой, канареечного цвета, обложкой.

– Скажите, пожалуйста, кто последний к заведующей? – спросил Данилов.

– Я, – ответила женщина, не отрываясь от чтения.

– Буду за вами.

– Направление у Тамары Юрьевны подписали? – строго спросил дедок с толстой картой.

– Простите, не понял?

– Без подписи Тамары Юрьевны Ирина Александровна разговаривать с вами не станет. Развернет обратно.

– У меня другой вопрос, – ответил Данилов.

– А с другим вопросом она вас тем более развернет! – Собеседник заулыбался, словно сообщил нечто приятное. – До часу Ирина Александровна принимает только тех, кто на комиссию.

– Какую? – зачем-то спросил Данилов, хотя и без того было ясно, что эта комиссия не имеет ничего общего с той, которую надо было пройти ему.

– Санаторно-курортную. – Мужчина улыбнулся еще шире и добавил: – За путевками.

Данилов подумал, что комиссия явно надолго, и попросил, обращаясь одновременно ко всем троим:

– Вы не пропустите меня к заведующей первым? У меня вопрос буквально на одну минуту, только спрошу и выйду.

– А вы точно не за путевкой? – прищурился лысый.

– Точно, – улыбнулся Данилов.

– Тогда идите, – разрешил лысый, – все равно она вас сразу выставит.

– Спасибо, – ответил Данилов.

«Выставит – так пойду к заместителю главного или к самому главному», – решил он.

Толстенная амбулаторная карта свидетельствует о том, что ее владелец часто бывает в поликлинике, стало быть, хорошо знает местные порядки.

Ирина Александровна, высокая, худая и вся какая-то очень резкая, услышав слово талон, даже не дала Данилову возможности договорить фразу до конца.

– Я не занимаюсь талонами! – отрезала она. – Всего хорошего!

– Я вообще-то ваш коллега... – вырвалось у Данилова.

– Тем хуже! – последовал ответ. – Должны ценить время других врачей.

Левой рукой Ирина Александровна нажала кнопку вызова, установленную на стене сбоку от ее стула, и дверь за спиной Данилова тотчас же открылась.

– Можно, Ирина Александровна? – уточнил обладатель замечательно толстой амбулаторной карты, видя, что Данилов не уходит.

Пришлось уйти, как говорится, несолоно хлебавши. «Идиот! – ругал себя Данилов, идя по коридору. – «Я вообще-то ваш коллега...» Понадеялся на мифическую корпоративную солидарность? Вот и получай!»

Вообще-то себя винить было не в чем, но надо же немного выпустить пар, пусть даже и молча, про себя.

По логике вещей, следовало отправляться к верховному начальству, но ради очистки совести Данилов предпринял попытку пройти терапевта без талона. Очередь, надеясь на удачу, занимать не стал: простоишь в ней полдня, чтобы узнать, что тебя не примут. Он начал расхаживать по коридору, дожидаясь, пока кто-то из врачей или сестер не выйдет из кабинета по делам. Долго ждать не пришлось: вскоре из одного кабинета вышла женщина, на бейджике у которой было написано: «Врач-терапевт высшей категории Малофеева А. А.».

Рассусоливать в коридоре было некогда, поэтому Данилов быстро нагнал ее и кратко поинтересовался:

– Скажите, пожалуйста, вы не примете меня без талона? Я прохожу комиссию для поступления на работу.

– Нет! – даже не взглянув на Данилова, бросила врач-терапевт высшей категории Малофеева А. А. и ускорила шаг.

Нет правды на земле – поищем ее выше. Данилов поднялся на пятый этаж, на поликлинический Олимп, туда, где, царя над мирской суетой, сидели олимпийские боги, то есть руководство поликлиники.

Здесь было малоллюдно: далеко не возле каждой двери сидели люди, если где и сидели, то по одному-два человека, не больше. Кабинет заместителя главного врача по лечебной работе находился в самом конце коридора, приемная у главного и заместителя, как это часто встречается, была общей.

За столом, тесно заставленным телефонными аппаратами и оргтехникой, сидела молодая женщина. Халат у нее был не застегнут, явно с целью, чтобы можно было демонстрировать миру высокую грудь, туго обтянутую блестящей блузкой кислотного оранжевого цвета. Женщина занималась ответственным делом: реставрировала ноготь указательного пальца правой руки, приклеивая на него отвалившийся страз. Мельком взглянув на Данилова, она сказала:

– Стоматология этажом ниже.

«Разве у меня такое ужасное выражение лица, что меня надо отправлять к стоматологу?» – подумал Данилов и сказал:

– Мне вообще-то к главному врачу или к заместителю.

– По какому вопросу?

Страз, видимо, прилепился куда следовало, потому что женщина отставила правую руку с растопыренными пальцами в сторону и обратила взор на Данилова.

– Массажиста мы уже взяли, – сказала она.

Данилов в двух словах объяснил суть дела.

– Борис Анатольевич такими мелочами не занимается, – услышал он в ответ, – а Зоя Григорьевна на больничном.

Нетрудно было догадаться, что Борисом Анатольевичем зовут главного врача, а Зоей Григорьевной – его заместителя.

– Талоны – это действительно мелочь, – согласился Данилов. – Но без них я не могу пройти комиссию. Может, вы помогли бы мне?

– К сожалению, я не врач, а экономист, – ответила женщина, – и приема не веду.

– А не могли бы вы дать мне совет? – не сдавался Данилов, понимая, что штурмует, если можно так выразиться, последний из возможных бастионов. – Как мне поступить?

– Могу. – Секретарь усмехнулась тонкими губами. – Приходите завтра с утра и получите талоны к терапевту, невропатологу и к кому там вам еще надо...

– Спасибо, вы мне очень помогли. До свидания.

– До свидания. – Секретарь вспомнила об отреставрированном ногте и начала вертеть рукой, разглядывая свой ноготь в разных ракурсах.

Идя к лестнице, Данилов подумал о том, что напрасно не спросил у секретаря, кто вообще занимается в поликлинике талонами – выписывает их, учитывает, ведет соответствующий журнал (как же можно без него?) и отдает в регистратуру. Возможно, у этого, главного по талонам, сотрудника и можно будет ими разжиться. Не факт, конечно, но вдруг? Ну а если не выйдет, то ничего не поделаешь: придется приезжать завтра. Но ведь так не хочется...

Главный врач такими мелочами не занимается, заместитель по лечебной части на больничном, значит, не исключено, что талоны находятся в ведении главной медсестры. Вряд ли их пишет на свой прием каждый врач. Врачи в суете или намеренно могут забыть выписать талоны. Нет, без руководящего контроля никак не обойтись. А-а, попытка не пытка, тем более что кабинет главной медсестры – вот он, даже идти никуда не надо. Данилов постучался и услышал: «Входите».

Главная медсестра, необъятная и величавая (как же без величавости?), была занята настоящим делом: сверяла какие-то данные по двум спискам. С Даниловым она разговаривала, не отрывая пальца от строчки, на которой остановилась.

Разговор был недолгим, но познавательным.

– Выпиской талонов согласно утвержденного месячного графика, – на слове «утвержденного» было сделано ударение, – занимается регистратура.

Круг замкнулся.

– Это, конечно, неправильно, что вас не предупредили насчет талонов.

Данилов слегка воспрянул духом.

– Я позвоню в отдел кадров и попрошу их не создавать проблемы на пустом месте. Спасибо, что предупредили.

Сказав это, главная медсестра снова уткнулась в свои списки.

Объяснять, что его миссия была истолкована неверно, что он не столько хотел предупредить руководство поликлиники о наличии проблемы, сколько решить ее для себя, Данилов не стал. Захотелось выйти на улицу, подышать свежим воздухом, возможно, выпить где-нибудь поблизости кружку холодного пива. Не очень правильно, конечно, начинать баловаться пивом еще до полудня, но в исключительных случаях можно. Один час, проведенный в этой поликлинике, можно спокойно считать за пять или шесть, если не за все восемь, очень изматывает подготовка к прохождению медкомиссии.

«Результаты из лаборатории заберу завтра с утра, чего таскать их туда-сюда», – решил Данилов и спустился на первый этаж. На выходе остановился около охранника, неторопливо катавшего в правой руке два шара, и спросил у него, к которому часу лучше приходить с утра, чтобы не остаться без талона.

– Медкомиссию проходите? – вопросом на вопрос ответил охранник.

– Да.

Охранник не глядя сунул шары в приоткрытый ящик стола, окинул Данилова оценивающим взглядом, словно решая для себя, достоин ли он прохождения медкомиссии, и сказал:

– Подождите пару минут.

– Зачем?

Ответа не последовало. Охранник выбрался из-за стола и скрылся за дверями регистратуры. Данилов подумал, что охранник пошел уточнять информацию. Две минуты растянулись на пять, но результат того стоил, потому что вернулся охранник не с пустыми руками.

– Здесь все, что вам требуется, – сказал он, вручая Данилову заветные талоны. – Дата сегодняшняя, а время не проставлено, но это ничего. Доктора, если захотят, сами поставят, все равно по времени никто не ходит, все в очереди стоят.

– Спасибо вам! – ахнул Данилов и полез в карман. – Сколько с меня причитается?

– Ноль семь, только в газетку заверните, чтобы в глаза не бросалось. Магазин напротив.

Данилов купил литровую бутылку водки, разница в каких-то семьдесят восемь рублей, а человеку будет приятно. Завернул, как и просили, в бесплатную газету, выложенную на стеллаже возле входа в супермаркет, положил в пакет и вручил охраннику конспиративно, стараясь не привлекать постороннего внимания.

– Спасибо, – расплылся в улыбке охранник, оценив объем подарка. – Удачи вам на медкомиссии.

Данилов отправился за результатами анализов, удивляясь тому, как глупо и несообразно пытался он решить проблему. Зачем-то поперся к начальству, ходил из кабинета в кабинет и ничего не добился. Как будто не знал, что все проблемы лучше и эффективнее решаются на низовом уровне. Надо было не тупить, а сразу же, после разговора с регистраторшей, смотаться в магазин за презентом. Сейчас бы уже шел бы к метро с готовым заключением в кармане. Что делать – сам виноват.

В очереди к терапевту Голубевой Данилов отстоял двадцать три минуты, хотя поначалу думал, что придется ждать не меньше двух, а то и трех часов, потому что занял очередь четырнадцатым. Но Голубева работала быстро, пожалуй, даже слишком. Двое пациентов задержались в ее кабинете минуты на три, остальные пребывали там не дольше минуты.

Сбор анамнеза доктор Голубева начинала сразу же, как только пациент перешагивал через порог. Действительно, зачем терять время попусту? Пока пациент дойдет до стула да усядется...

– Что у вас?

– Медкомиссия для трудоустройства.

– Кем?

– Анестезиологом в мобильный госпиталь. – Данилов сел на стул и положил перед Голубевой талон, направление и амбулаторную карту.

– Хронические заболевания?

– Нет никаких.

– Хорошо. ЭКГ сейчас не работает, да вам еще сорока нет, так что обойдемся. Идите по остальным, потом зайдете без очереди, я напишу заключение.

Данилов в наивности своей ожидал, что ему хотя бы измерят артериальное давление. Как-никак проходит человек медкомиссию. Но у доктора Голубевой было другое представление о том, что надо делать с «комиссионерами». С другой стороны, может, так оно и лучше – быстрее все закончится.

Невропатолог с двойной фамилией Голдовский-Готье задал всего один вопрос: «Жалобы есть?» Услышав отрицательный ответ, он написал несколько строчек в карте. Почерк у невропатолога был крайне неразборчивым, поэтому Данилов смог разобрать только последнюю фразу: «Неврологической патологии не выявлено».

Хирург Горленко ограничился тем же самым вопросом, но заодно записал в карту и урологический осмотр, поскольку тот болел. Отоларинголог Юнисова вообще ничего не спрашивала, только посмотрела выжидательно.

– Жалоб нет, анамнез не отягощен, – ответил Данилов и получил в карту нужную запись.

Возле кабинета окулиста стояла и частично сидела толпа человек в тридцать. К окулистам всегда ходит много народа. Данилов, не сомневавшийся в том, что никто не будет проверять остроту его зрения или осматривать глазное дно, обратился к очереди с просьбой:

– Мне только автограф у доктора получить, и все, – сказал он. – Можно я пройду?

Истолковав общее молчание как согласие, Данилов открыл дверь и вошел в кабинет.

Окулист Алаев превзошел всех остальных коллег. Бросил взгляд на направление, посмотрел в глаза Данилову – нет ли там контактных линз, и витиевато-размашистым почерком записал, что все в порядке. «Корифей, – подумал Данилов, – это ж уметь надо провести осмотр, не сказав ни единого слова».

– Я – спортсмен! – бил себя кулаком в широкую грудь мужчина, стоявший возле двери кабинета терапевта Голубевой.

– Домино или шашки? – снисходительно интересовался его собеседник в форме майора МЧС.

Больше никого в очереди к Голубевой не было.

– Бокс! Гребля! Футбол!

– За омский «Газмяс» играем?

– За юношескую сборную Москвы играл!

– Что-то я о такой не слышал!

На Данилова, прошедшего в кабинет, беседующие не обратили никакого внимания.

Голубева пробежала глазами по записям, добавила к ним свою, итоговую, и выписала Данилову заключение на отдельном бланке. В заключении было сказано, что Данилов Владимир Александрович практически здоров и по состоянию здоровья может работать врачом анестезиологом-реаниматологом мобильного госпиталя. И на том спасибо.

Данилов подписал заключение у заведующей отделением, которая никак не отреагировала на его повторное появление, а просто поставила, где нужно, подпись, затем спустился на первый этаж, где ему шлепнули на заключение печать. Вот и все, можно идти домой. Электронные часы, висевшие в вестибюле, показывали половину первого. «Надо же как! – подумал Данилов. – Можно сказать, галопом прошел комиссию».

Елена тоже удивилась такой прыти. И обрадовалась.

– Здорово. А то у меня дел – непочатый край, если уходить рано, то пришлось бы все на полдороге бросать.

– Да эту комиссию можно было бы с таким же успехом по скайпу пройти, – ответил Данилов. – Сплошная фикция, правда, строго по талонам. Расскажу потом подробности...

Выслушав после осмотра собранного шкафа рассказ Данилова о прохождении медкомиссии, Елена многозначительно улыбнулась, словно хотела сказать: «Говорила же я тебе!» – но сказала совсем другое:

– Прошел, и ладно, можно забыть как кошмарный сон.

– Все забывать нельзя, – возразил Данилов. – Например, в туалете я увидел замечательный стишок: *«Не думай о микробах свысока//, Настанет время, сам поймешь, наверное//, Что лучше помереть от коньяка//, Чем от чего-то гнойно-диарейного...»* Перл, настоящий перл! Скажешь, нет? Причем явно кто-то из медработников писал.

– Сидел на унитазе и маялся муками творчества, – рассмеялась Елена.

– Представь себе: это было напечатано на бумажке, приклеенной сбоку от зеркала, что над умывальником. Это же не обычная, а солидная ведомственная поликлиника, там даже стены туалетов украшают культурно!

– У тебя случайно не возникло желания устроиться туда физиотерапевтом? – съехидничала Елена.

– Во-первых, я только-только, можно сказать, устроился на новую работу, – совершенно серьезно ответил Данилов. – А во-вторых, я же безалаберный и безответственный. Начну принимать народ без талонов, подам плохой пример, дезорганизирую работу. А там все так хорошо отлажено, главная медсестра с таким пафосом говорила о том, что поликлиника работает как часы. Ты как хочешь, а я на такое вредительство пойти никак не могу. Так, глядишь, вообще талоны отменяют, а это историческая традиция, как же без них можно обойтись? Пока врачи принимают по талонам, мировой порядок не может рухнуть, колесо мироздания не может остановиться...

– А доктор Данилов не может успокоиться.

– Ты знаешь, Лен, я сегодня был на удивление спокоен. Разозлился, конечно, но не так, чтобы очень. Даже не высказал никому того, что мог бы высказать. Старею, наверное. Или иначе начинаю понимать постулат: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир».

– Не стареешь, а умнееешь, – поправила Елена.

– Оба эти процесса взаимосвязаны. А не выпить ли нам еще по чашечке кофе на сон грядущий, чтобы спалось лучше? Можно даже с коньяком.

Глава третья

В «улыбайке»

- Сначала лук! Без вариантов! Обжариваешь его до золотистого цвета и...
- Мясо, только мясо! Причем небольшими порциями! Иначе никакой корочки!
- Мясо должно не жариться, а тушиться в луковом соусе! Это же плов! И корочка здесь не нужна – мясо должно быть мягким!
- Вот именно, что плов, а не какие-нибудь щи!
- При чем тут щи?
- Ни при чем – просто к слову! Это в шах должно быть мягкое мясо.
- А в плове, значит, не должно?!
- В плове оно должно быть сочным! И вкусным... Плов – это вершина кулинарного искусства.
- Почему, если его могут готовить все подряд? Ты еще скажи – таинство!
- Все только думают, что могут готовить плов! Вот ты, например, думаешь так, а сам лук вперед мяса обжариваешь!
- Думаю – поэтому и обжариваю вперед мяса! Это ты правильно сказал.
- Я хотел сказать совсем не то!
- Да ты вообще плов когда-нибудь готовил? Или только рядом стоял?
- Я?! Ну, ты нахал! Да мой плов некоторые годами помнят!
- Ага! Говорят: никогда в жизни так живот не крутило, как с Юркиной рисовой каши!
- Это у меня-то рисовая каша?! Это у тебя рисовая каша, да еще и пригорелая, казан без зубила не очистишь!
- Ну, если ты думаешь, что казан надо чистить зубилом, то о чем с тобой можно говорить.
- Это после твоей каши зубилом! А обычно его солью чистят. Но мясо обжаривают в первую очередь!
- Нет – лук!

Оба спорщика считали себя знатоками Востока и восточной кухни. Инженер Волков служил срочную погранцом на таджикско-афганской границе, а хирург Шавельский родился и окончил школу в Ташкенте.

Данилову поначалу показалось странным, что люди могут столь ожесточенно спорить о каких-то пустяках, но он тут же вспомнил, какие темы обсуждаются на «Скорой помощи» по дороге на вызов. Любые, вплоть до самых пустячных, но никто из профессионалов не сидит в напряженном оцепенении и не перебирает в уме возможные варианты своих действий на вызове.

Чего там гадать? Пустое это дело. Приедем – и разберемся, будем вкалывать до седьмого пота. А пока нечего дергаться. Так делают только новички, им по неопытности просто положено.

В мобильном госпитале Данилов был новичком. Но в медицине он таковым не был, потому и не думал дергаться, а сидел в кресле и то слушал кулинарную дискуссию, то читал прихваченный из дома детектив, действие которого происходило в больнице, то перекидывался словом с соседом и коллегой – доктором Ломакиным, флегматичным циником, одним из ветеранов «Главспаса».

Флегматиком Ломакин родился, а циником его сделала жизнь, точнее, два неудачных брака, один хуже другого. Окончательно разуверившись в любви и семейных ценностях, которые он считал вымышленными, Ломакин освободился от розовых очков, при помощи которых раньше смотрел на мир, и начал помогать избавляться от них окружающим. Те не спешили

следовать примеру Ломакина, подшучивали над ним и, несмотря на некоторую категоричность в суждениях и некоторую резкость в общении, любили. Ветеранов, не сделавших (как вариант – не делающих или не желающих делать) карьеру и ничего не спускающих начальству, положено любить хотя бы за их искренность и прямоту.

– Никак не могу привыкнуть к полетам, – сказал Ломакин Данилову. – Каждый раз искренне удивляюсь, как эта махина поднимается в воздух и долетает до места назначения. Понимаю, что аэродинамика, подъемная сила, а все равно удивляюсь... Кстати, нет ли желания понаблюдать за посадкой из кабины?

– Нет, – отказался Данилов.

– Впечатление незабываемое, будто сам прыгнул с неба. У нас все хоть по разу да попробовали.

– Не искушай, Коля. – Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, Данилов и Ломакин, как бывшие скоропомощники, да еще и работавшие на соседних подстанциях, быстро перешли на «ты».

Здесь, в отряде, вообще было принято общаться без церемоний. Так проще и быстрее, то есть эффективно.

Могучий Ил-76, за характерный оскал штурманской кабины прозванный «улыбайкой» (если смотреть сбоку, то действительно кажется, что самолет улыбается или ухмыляется, это нюансы восприятия), летел в Омск забирать пострадавших во время пожара в ночном клубе «Рогатый конь». Самолет был не простым, а медицинским, с установленными в салоне съемными модулями – операционным и реанимационным, он же являлся отделением интенсивной терапии и электросиловой установкой. При желании модули можно было вытащить из самолета и развернуть в полевом варианте.

Волков и Шавельский, так и не сойдясь на едином мнении, оставили в покое лук с мясом и теперь спорили о том, какое нужно масло для плова. Волков стоял за хлопковое, потому что считал, что рецепт должен быть аутентичным, а Шавельский утверждал, что на хлопковом масле плов готовили за неимением лучшего, и советовал брать любое рафинированное, подсолнечное или кукурузное.

– Ага! – заседал на крупного большеголового оппонента невысокий и худощавый Волков. – Сначала масло подсолнечное, потом капусту вместо моркови, потом сосиски вместо мяса, а рис вообще на фиг – и получится солянка! Вот из-за таких мастаков, как ты, Юра, плов и считают чем-то вроде рисовой каши!

Данилов уже успел понять, что среди корифеев плова слова «рисовая каша» считаются самым оскорбительным ругательством.

– Эй, народ! – бесцеремонно вмешался в спор Ломакин. – А как правильно бутерброды с колбасой делать?

Спорщики замолчали и недоуменно уставились на него.

– В смысле, колбасу сначала надо нарезать или хлеб? – невозмутимо продолжал Ломакин. – И какое соотношение по толщине можно считать идеальным? А то я всю жизнь режу что и как попало, но ведь хочется знать, как правильно. Что скажете, академики кулинарных наук?

Волков ничего не сказал – только покачал головой. А вот Шавельский, славившийся крайней языковой невоздержанностью, ответил Ломакину витиевато и красочно, правда, к нарезке колбасы и хлеба его ответ не имел ровным счетом никакого отношения.

– А я больше всего люблю шашлык! – Хирург Беньков мечтательно причмокнул толстыми губами. – С хорошим шашлыком никакой плов не сравнится.

– С правильным! – уточнил Волков. – Хорошо – это когда правильно приготовлено.

Не прошло и минуты, как Волков, Беньков и Шавельский заспорили о достоинствах и недостатках разных маринадов. Волков предпочитал простую формулу: лук, соль, перец, лимон, любимый маринад Бенькова превосходил сложностью уравнение Шредингера (уравне-

ние Шредингера, также называемое уравнением движения квантовой частицы – уравнение, описывающее изменение в пространстве и во времени чистого состояния, задаваемого волновой функцией, в гамильтоновых квантовых системах), а Шавельский, не слушая никого, нахваливал кефир с добавлением карри и соли.

– Хороший шашлык начинается с отличного мяса, – проворчал Ломакин. – Маринад – это так, косметика. Если морда хороша, то она и без нее хороша, если что не так, то никакая косметика не поможет. Согласен, Вова?

– Да, – кивнул Данилов, по жизни мариновавший мясо в том, что под руку попадет, – сущность ничем не изменить.

– Хорошо сказал, – похвалил Ломакин. – Прямо афоризм. Я уже оголодал от этих разговоров. Только хочется мне не шашлыков, а горячего наваристого борща!

– Ш-ш-ш! – Данилов прижал к губам указательный палец и повел глазами на знатоков кулинарии. – Дискуссия о приготовлении правильного борща окончательно всех перессорит.

– Да что ты? – удивился Ломакин. – Только взбодрит! Но лучше, наверное, спросить у них, как правильно жарить картошку. Рекомендуемая толщина ломтиков в миллиметрах, сколько масла наливать, на какой секунде перемешать первый раз, на какой – второй, когда накрыть крышкой... Им этой темы на три дня хватит.

Шум двигателей, поначалу немного раздражавший своей громкостью (в салонах пассажирских лайнеров куда тише, там звукоизоляции уделяется больше внимания), начал убаюкивать.

Данилов прикрыл глаза и представил, что он едет на вызов в салоне скоромощного автомобиля. Да так хорошо, что заснул и увидел странный, сумбурный сон: как будто едет на вызов с водителем Петровичем, фельдшером у него почему-то доктор Жгутиков. Ну, не совсем почему-то, так как откуда-то Данилову известно, что Жгутикова разжаловали в фельдшеры за потерю кардиографа (настоящий Жгутиков был рассеян и постоянно что-то терял). Вызов какой-то странный – очень далеко надо ехать. В чужой район послали, в помощь уработавшимся коллегам. Но обычно посылают в соседний район, а тут чуть ли не на другой конец Москвы, кажется, в Медведково, потому что за окном вроде бы Суворовское училище мелькнуло.

Едут, значит, едут, как вдруг Петрович достает откуда-то огромный и, что удивительнее всего, стеклянный шприц (один в один как тот, которым героя Евгения Моргунова в «Кавказской пленнице» кололи), заполненный опалесцирующей красноватой жидкостью. И он на полном ходу, придерживая руль коленками, начинает вводить эту жидкость себе в вену. «Ты чего это, Петрович?!» – удивляется Данилов. «Это я витаминчики для укрепления организма колю», – отвечает Петрович. Вводит все содержимое шприца (куда только оно помещается, там же чуть ли не ведро), выбрасывает его в окно, что крайне нехарактерно для Петровича-настоящего, тот всегда мусор в урны кидал. И запрокидывает голову, закатывает глаза и начинает хрипеть, да так страшно и утробно, что сразу становится ясно – умирает человек от избытка своих странных витаминчиков. Данилов прямо на водительском кресле интубирует Петровича и кричит Жгутикову, чтобы тот перелезал из салона в кабину помогать спасать. Упитанный Жгутиков лезет в окошечко, которое в перегородке, застревает и начинает громко вопить: «Помогите! Вытащите меня отсюда!».

– Снижаемся! – Ломакин легонько толкнул Данилова локтем в бок.

Данилов был пристегнут, поэтому даже глаза открывать не стал, только кивнул, мол, все ясно, снижаемся, скоро начнется работа, счет пошел на минуты.

Сразу же после того, как тяжелый самолет остановился в отведенном для него месте, в хвостовой части фюзеляжа опустилась громадная рампа (механизированный люк, предназначенный для загрузки и разгрузки самолета). Вниз для сортировки пострадавших спустился заместитель начальника медицинской службы отряда Сошников, а прочие сотрудники оста-

лись в салоне. Никто не толпился на выходе, высматривая, не подъезжают ли машины «Скорой помощи», не курил по углам, в самолете вообще было запрещено курить.

Данилов, которого после долгого вынужденного сидения обурежала жажда движения, расхаживал взад-вперед по реанимационному модулю (отсеку с койками вдоль бортов, игравшему роль реанимационного зала), а заодно и проверял, все ли на месте, не разбилось ли что во время полета. Хотя пострадать, конечно, ничего не могло, потому что и аппаратура, и медикаменты, и мебель были закреплены, «принайтовлены», как выражались моряки у Станюковича. Может, моряки и до сих пор так выражаются, просто Данилов кроме Станюковича и Стивенсона ничего о морской жизни не читал. Был еще «Моби Дик», домученный, иначе и не скажешь, в юном восемнадцатилетнем возрасте из принципа, но увы, ничего, кроме имени гигантского кита, в памяти не осталось. Чем скучнее книга, тем хуже она запоминается.

Примерно через четверть часа издали донесся вой сирен. «Скорые» подъезжали одна за другой. Сошников бегло осматривал пострадавших, которые до этого уже успели получить какую-то медицинскую помощь в омских больницах (доставляли их не непосредственно с места происшествия, а из стационаров), и коротко говорил: «Берем». Скоромощники по рампе вкатывали пострадавших на каталках в салон и передавали врачам мобильного госпиталя.

Штат мобильного госпиталя невелик – всего тридцать пять медиков. Там шестнадцать врачей: три хирурга, четыре травматолога (впрочем, при необходимости все хирурги могут стать травматологами, и наоборот – травматологи станут хирургами), четыре анестезиолога-реаниматолога, два терапевта, один из которых – начальник госпиталя Сошников, один инфекционист, один педиатр и один акушер-гинеколог.

Медицинских сестер девятнадцать, причем все они анестезистки, операционные, операционно-перевязочные и реанимационные сестры. На некоторых сестринских должностях в мобильном госпитале работают люди с фельдшерским образованием. Если работа нравится и платят более-менее сносно, то какая, в сущности, разница, как называется твоя должность?

Кроме того, в состав госпиталя входят двадцать пять человек инженерно-технического состава, которым порой приходится делать не только свою основную работу, но и исполнять роль санитаров. А что делать? Иногда просто некому бывает подносить и уносить пациентов. Санитары в штат госпиталя не входят.

Кроме своих штатных медиков, отряд «Главспас» при необходимости может привлекать сотрудников Всероссийского центра медицины катастроф «Спасение» – хирургов, травматологов, анестезиологов-реаниматологов, операционных медсестер, медсестер-анестезисток. Все они, в большинстве своем, трудятся в различных учреждениях здравоохранения Москвы и Московской области, а в случае возникновения чрезвычайной ситуации срочно мобилизуются. Так, например, Борис Львович Беньков оперирует больных в сто пятнадцатой московской больнице, когда что-то случается, спешит на помощь.

Троих пострадавших Сошников отправил прямиком в операционную, девятерых – в реанимацию. Одного не взял, не из вредности, разумеется, а потому что тот умер в машине «Скорой помощи». Умирать тот начал в пути на аэродром, а умер уже на летном поле. Скоромощная бригада усердно откачивала его более получаса, отказавшись от предложенной Сошниковым помощи. «Спасибо, сами справимся, мы же “БИТ-ы” (БИТ – сокращенно от “бригада интенсивной терапии”)», – сказал врач и вместе с обоими фельдшерами трудился не покладая рук, пытаясь вырвать пациента у смерти. Но увы, на этот раз смерть вышла победительницей.

После того как на борт был принят двенадцатый пострадавший, рампа сразу же начала подниматься. Судя по всему, предстоял еще один рейс, может, даже два. Краем уха Данилов услышал, что Омск хочет отправить в Москву тридцать восемь человек.

Мобильный госпиталь располагал двумя транспортными самолетами Ил-76, которые в просторечии назывались «борт номер один» и «борт номер два». Данилов находился на борте

номер один, а борт номер два, вылетевший из Москвы часом позже, наверное, уже шел на посадку в Омске, если уже не приземлился. В салонах транспортных самолетов, в отличие от их пассажирских собратьев, нет иллюминаторов, да и если бы они и были, то пялиться в них, высматривая на летном поле борт номер два, не было бы времени. Ломакин обезболивал пациентов в операционном модуле, а Данилов занимался теми, кто попал прямиком в реанимацию.

На первый взгляд дел было не так уж и много, но это только казалось. Да, все пострадавшие были обработаны, перевязаны, у всех в трахее стояли дыхательные трубки, а в венах и мочевом пузыре – катетеры. Вроде бы только и дел, что подключить всех к мониторам, а некоторых еще и к аппаратам искусственной вентиляции легких, да капельницы им наладить. Если врачи и медсестры опытные и все необходимое есть под рукой, все делается быстро. Но тяжелый пациент доставляет врачам постоянные проблемы.

Едва самолет взлетел, у одного из пострадавших остановилось сердце. Минутой позже другой «уронил» давление (артериальное давление резко снизилось до критических величин), третий не нашел ничего лучшего, как зафибриллировать (нормальный сердечный ритм сменился фибрилляцией – хаотичным сокращением отдельных групп мышечных волокон). На помощь Данилову пришел Сошников и до конца полета уже не вылезал из реанимационного модуля, дел хватало.

Сошников, хоть и считался терапевтом, с работой реаниматолога справлялся отлично. Но вел он себя не самым лучшим образом: старался не замечать Данилова, словно того не было в салоне, если приходилось что-то спросить, то, выслушав ответ, недовольно кривил губы, словно оставался недоволен действиями и назначениями Данилова. Данилову подобное поведение уже было не в новинку. Он старался не обращать внимания на то, на что обращать его не стоило, и не исключено, что олимпийское спокойствие Данилова сильно досаждало Сошникову.

Если говорить честно, то внимание на поведение Сошникова Данилов обращал, но эмоций по этому поводу не испытывал никаких. «На ушибленных не обижаются», – говорила мать Данилова, охватывая этим словом не только тех, кого роняли в родильных домах головками вниз.

Изредка Данилов, чисто мальчишества ради, задавал Сошникову какой-нибудь вопрос, причем облекал его в форму: «Дмитрий Геннадьевич, здесь, я думаю, мы поступим так-то». Предложения Данилова всякий раз были единственно верными, и потому Сошникову приходилось соглашаться с ними. Но какой ценой давалось ему подобное согласие... Пару раз Данилов явственно услышал, как начальник в недовольстве скрипит зубами. Человеку, рожденному для того, чтобы командовать (или считающему себя таковым), нелегко соглашаться с предложениями подчиненных, пусть и совершенно разумными и абсолютно дельными. Ему бы вспомнить Конфуция, который учил, что «благородный муж пусть в доброте и не бывает расточительным, но, принуждая к труду, не вызывает гнева, в желаниях не бывает алчным, а в величии не бывает гордым и умеет вызвать почтение к себе, не прибегая к жестокости».

Когда носовая часть самолета немного опустилась вниз, Сошников посмотрел на свои наручные часы (разумеется, противоударные и водонепроницаемые в пластиковом корпусе с одним большим и тремя маленькими циферблатами) и сказал:

– Ну, вроде как ничего себе дела... Сейчас разгрузимся и полетим обратно. Заодно и отдохнем, пока летим. Ну, как впечатления?

– Нормальные, – ответил Данилов.

– Хорошо, если так, – одобрил Сошников, но выражение лица у него было кислотовое.

«Бесчувственный ты тип, Вольдемар, – пошутил сам с собой Данилов. – Начальник из кожи вон лезет, чтобы хотя бы немного испортить тебе настроение, а ты даже притвориться не хочешь, что ему это удалось. А еще врач – представитель гуманной профессии...»

Глава четвертая

Перманентная пертурбация

«Эпизоотия чумы в Иркутской области.

В январе 1991 года шестеро наших спасателей провели уникальную по своей сложности операцию по локализации очага чумы яков в Иркутской области. Высоко в горах (свыше двух тысяч метров над уровнем моря), в практически недоступном месте, в крайне неблагоприятных погодных условиях (сильный мороз и ветер) спасатели развернули базовый мобильный лагерь и немедленно приступили к поиску павших яков, которых при помощи вертолетов (по эпидемиологическим соображениям транспортировка осуществлялась вне салона) доставляли к специально устроенным могильникам и производили захоронение. За семь дней была полностью устранена угроза распространения чумы, которая могла возникнуть в период весеннего таяния снегов, когда воды могли бы вынести чумную палочку в населенные районы, что неминуемо привело бы к развитию эпидемии...»

– Чем только не приходится заниматься, а? – сказал Ломакин Данилову, стоявшему около стенда с пожелтевшим от времени выпуском ведомственной газеты «Будни спасателя». – По горам лазить, дохлых яков искать... И никто даже спасибо не скажет, только зарплату дадут.

– Лучше зарплата без «спасибо», чем «спасибо» без зарплаты, – ответил Данилов.

Трудыга-чайник вскипятил очередную порцию воды и отключился. Данилов подошел к столу и налил в свою кружку кипятка. С некоторых пор он отказался на работе от традиционных пакетиков с чаем и стал заваривать листовой при помощи заварочной ложки. Удобно и вкуснее получается. Листовой чай по-любому лучше пыли из пакетика. Заварочную ложку Данилов прозвал «крокодильчиком», потому что при нажатии на бока она хищно открывала свою пасть, словно глотая чай. Впервые увидев «крокодильчика», Ломакин не преминул сообщить Данилову, что «сей девайс» непременно должен быть серебряным, лучше золотым или платиновым, поскольку все остальные неблагородные металлы искажают вкус благородного напитка. Сам он при этом к большим любителям чая не относился, предпочитая ядреный растворимый кофе, приготовляемый из расчета пять чайных ложек с верхом на чашку.

– А лучше всего, когда и то, и другое, – сказал Ломакин. – Не забывай, что награды часто дают какие-то льготы. Пятьдесят процентов квартплаты, бесплатный проезд...

– Покупка колбасы без очереди, – поддел Шавельский.

– Сейчас, конечно, можно и посмеяться, через двадцать лет-то, – Ломакин сдвинул на переносице мохнатые, уже начавшие сесть брови, – а ведь при социализме мой дед, инвалид войны, кормил, можно сказать, три семьи – нашу, теткину и мою двоюродную сестру с ее мужем. Ему в очередях стоять не приходилось, поэтому он за день успевал закупить всего понемногу – и сыру, и колбасы, курицу или рыбу-хек... А еще ему были положены еженедельные заказы, в которых чего только не было. Так что нечего ехидничать, Юра. Одно дело сейчас, другое – когда за килограммом сосисок по три часа стоять приходилось. Через день, потому что больше килограмма в одни руки не давали...

Сотрудники «Главспаса», свободные от дежурств, отдыхали во время однодневных занятий, посвященных синдрому длительного сдавливания (**Синдром длительного сдавливания** (он же синдром длительного раздавливания, травматический токсикоз, краш-синдром) – патологическое состояние, обусловленное длительным, свыше четырех часов, сдавливанием мягких тканей конечностей, в основе которого лежат ишемический некроз мышц и последующая интоксикация продуктами некроза, приводящая к развитию печечно-почечной недостаточности. Синдром начинает развиваться после освобождения конечности от сдавливания).

Занятия проводились не только на подмосковной базе в Бронницах. В любой момент могла прозвучать тревога (учебная, которая ничем не отличается от тревоги настоящей), и уже через час мобильный госпиталь должен отбыть с места постоянной дислокации к месту чрезвычайной ситуации.

По прибытии на место сразу же начинаются работы по развертыванию госпиталя из быстровозводимых пневмокаркасных модулей, надувных домиков. Каждый модуль представляет собой отдельный бокс. К ним можно присоединять маленькие шлюзовые боксы, можно соединять друг с другом при помощи особых переходных боксов. При наличии у сборщиков отработанных навыков боксы собираются очень быстро. Норматив сборки – тридцать минут, на деле можно уложиться и в двадцать. Госпиталь начинают собирать с приемно-сортировочного отделения, которое вводят в эксплуатацию еще до полного окончания развертывания. Через два-три часа (разница во времени зависит от условий, в которых приходится работать) госпиталь должен быть готов к работе в полном объеме: приемно-сортировочное отделение, операционно-перевязочное отделение, эвакуационное отделение, бытовой и энергетический блоки.

Данилову пока еще не приходилось участвовать в развертывании госпиталя на практике. Он несколько раз летал за пострадавшими то в Омск, то в Краснодар, то в Петрозаводск, то в Екатеринбург, а в остальное время или дежурил сутками в качестве врача мобильной поисково-спасательной группы, или повышал свой уровень на тренингах и занятиях. Надо сказать, что обучению сотрудников в отряде уделяли много внимания, причем не только на бумаге, как это нередко бывает, но и на деле.

– Ладно. – Маятник ломакинского настроения качнулся в сторону позитива. – Зарплата важнее, особенно такая, как у нас. При наших перманентных пертурбациях (в астрономии пертурбацией называют изменение пути небесного тела под воздействием силы притяжения других тел. В переносном значении это слово употребляют для обозначения внезапных нарушений порядка, нормального хода каких-либо процессов) надо хорошо питаться, да и вообще...

Зарплата врачей мобильного госпиталя и впрямь была высокой. На «Скорой помощи», где ставки традиционно выше, нежели в других медицинских отраслях, у Данилова на полторы ставки выходило почти в половину меньше. И это еще без учета командировок, порой весьма длительных, во время которых выплачивались дополнительные надбавки.

Чаепитие в рабочий полдень началось. Данилову эти получасовые посиделки в узком кругу, проходящие в комнате отдыха, очень нравились. И компания приятная, и много нового, интересного узнать можно. Что делают коллеги, собираясь вместе? Конечно же, говорят о работе. Иногда говорят и о чем-то еще, но чаще все-таки о работе.

– Главное, чтобы нервы не трепали почему зря. Пертурбации – они ведь разные бывают...

Ломакин свернул на излюбленную тему. Собеседникам стало ясно, что сейчас они услышат очередную историю «из жизни», из богатого ломакинского опыта. Данилов поболтал в кружке напоследок заварочной ложкой, вытащил ее и положил на блюдце.

– Хороший хозяин трижды чай заваривает, – пошутил Шавельский.

– Вставать лень, – ответил Данилов.

– Никогда не забуду, как в мае девяносто седьмого года затопило город Камск. Вот уж нам там досталось... – Ломакин отхлебнул из своей кружки, поморщился от горечи (ядреный кофе он пил без сахара) и продолжил: – Такого бардака и представить себе нельзя было. Сложилось впечатление, что местные власти ни хрена не делали. О наводнении их предупреждали заранее, но они не озаботились принять меры.

– В смысле, эвакуировать народ? – уточнил Желтухин.

– Для начала – создать НЗ продуктов, топлива и медикаментов на случай чрезвычайной ситуации. А по мере приближения угрозы думать и о эвакуации. Только камские власти ни о чем таком не мыслили: даже когда город с окрестностями уже затопило, не озаботились тем, чтобы давать как нам, так и пострадавшим правильную информацию. В итоге пришлось не

только спасать, но и кормить население. Кухня работала в режиме нон-стоп, повара падали у своих котлов замертво, как рабочие военных заводов в годы войны. Шутка ли, своими силами обеспечить горячим питанием четыре с лишним тысячи человек! Да еще и двухразовым!

Для питания сотрудников в чрезвычайных условиях мобильный госпиталь располагал полевой кухней немецкого производства. Завтраки, обеды и ужины были не только горячими, но и вкусными. И не столько из-за профессионального мастерства поваров (в конце концов, научиться готовить простые общепитовские блюда несложно), сколько из-за их добросовестности. Ничего не уходило мимо котла: если заложено все, что положено, еще и в должном качестве, то результат будет соответствующим.

– Наша кухня – Кухня с большой буквы! – не без некоторого пафоса произнес Ломакин. – Уж поверьте старому гурману – так хорошо ни в одной организации не кормят!

Ломакин сделал второй глоток.

– А погодка была! – поморщился он. – Самая гнилая – минус 2–3 градуса днем, минус 10–12 – ночью; то дождь, то мокрый снег, по самое никуда в воде...

– Это как – по пояс или выше? – поинтересовался Желтухин, но Ломакин проигнорировал глупый вопрос.

– Местные даже толком не могли учет спасенных наладить. В такой ситуации все делалось на нервах, все ходили не только измотанные, но и злые, как с цепи сорвавшиеся. Сошников вообще озверел, разговаривал только криком и сыпал выговорами налево и направо. Я за это время целых два заработал. А спросите: «За что?» Не за что.

– А все-таки? – спросил Шавельский.

– Ну, один выговор я получил за то, что на семь минут задержал вылет вертолета с пострадавшими. Но у меня была уважительная причина: один из пострадавших перед самой загрузкой резко ухудшился, поэтому надо было его хоть чуточку стабилизировать. Оставлять человека до следующего вертолета, который должен был прилететь примерно через час (там у нас было всего три борта), не хотелось: вдруг еще сильнее ухудшится? Вот и попросил летчика тормознуть, благо обстановка позволяла. Только вертолет взлетел, прибежал Сошников. Орал на меня, часами перед носом тряс, объяснений слушать не захотел, дал за самовольство выговор.

– Можно было бы и оспорить, – сказал Данилов.

– В возрасте четырех лет я сделал вывод насчет того, что писать против ветра себе дорожке, только штаны намочишь, – вздохнул Ломакин. – С тех пор стараюсь так не делать. Если бы я начал доказывать свою правоту, то меня бы попросту уволили. У нас это быстро делается, при желании.

– Это везде быстро делается, – вырвалось у Данилова, вспомнившего кое-что из недавней своей биографии.

– А вот во Франции, – сказал Желтухин, – государственного служащего уволить практически невозможно. Если, конечно, он сам не захочет или преступления какого-нибудь не совершит. Попал в обойму, так навсегда. Читал в авторитетных источниках.

– У нас тоже есть такие, кого уволить невозможно, – сказал Ломакин. – Вот мой однокурсник Сашка Палилов работает в приемном отделении сто пятьдесят пятой больницы. Так ему даже недолгие запои прощают, не увольняют, потому что желающих на его место – кот наплакал. А уж с тех мест, на которые они есть, вылететь проще простого.

– Ну, это как сказать, Захарыч...

– Не спорь с умным человеком, лучше слушай дальше, про второй выговор. С ним получилось очень смешно.

– Это когда ты с губернатором по телефону разговаривал? – спросил Шавельский.

– Ага. – Ломакин сделал подряд три больших глотка, допивая остывающий кофе, отодвинул от себя пустую чашку и стал рассказывать дальше.

Вышел я на свежий воздух покурить (тогда я еще курил, здоровья хватало), и вдруг подбегает ко мне техник Паливода с телефоном в руке: «Губернатор хочет узнать ситуацию с пострадавшими». Ну откуда я мог знать, что Паливода взял сошниковскую дежурную трубку для того, чтобы обсудить с Москвой какие-то свои проблемы, а пока он это делал, Сошникова куда-то дернули, сразу же позвонил губернатор, и Паливода решил передать «трубу» тому из врачей, кто был в его поле зрения. Мне говорят, что губернатор интересуется ситуацией, я докладываю. Как умею. Правдиво, в простой доходчивой форме.

– Каждое второе слово матерное, – добавил Шавельский.

– Не преувеличивай, – Ломакин погрозил ему пальцем, – не каждое второе, примерно каждое пятое. А как ты думал? Губернатор меня спрашивает, чем он может нам помочь, так я ему отвечаю, причем очень вежливо: «Замените, пожалуйста, ваших местных чудаков на букву «м» на нормальных людей, которые будут реально делать дело». Он спрашивает, как я могу оценить ситуацию, я отвечаю: «Ситуация х. вая, но делаем все возможное». Очень мило мы общались, только Сошников все испортил: на середине разговора вырвал у меня трубку и начал докладывать сам. Выговор он мне на самом деле дал не за то, что я грубо разговаривал с губернатором и якобы дал ему неверную информацию о положении дел, а за то, что я посмел присвоить себе его начальственные функции. Дима, как все рогоносцы, патологически ревнив. Благодаря ему я одиннадцать месяцев работал как сапер, взвешивая каждое слово и поступок, чтобы не уволили после третьего выговора. Ничего, удержался, через год даже почетной грамотой наградили.

– Тебе – грамоту, Дмитрию Геннадьевичу – орден Мужества, – поддел Шавельский.

– Я не завистливый, – отмахнулся Ломакин. – Сказано ведь: «*suum cuique*» (*Suum cuique lat.* – каждому своё). Если высшие силы так распорядились, нехай будет так. Тем более что орден Мужества это не орден «За заслуги перед Отечеством», за него ежемесячная надбавка к пенсии не положена.

– Орден или медаль лучше, чем грамота, – то ли шутя, то ли серьезно сказал Желтухин. – Их носить можно по праздникам.

– А грамоту можно сфотографировать, уменьшить и носить как бэйджик, – пошутил Данилов.

– А я вот в воскресенье сходил с женой и ребенком на шопинг в торговый центр, так до сих пор отойти не могу, – пожаловался Шавельский, изменив тему разговора.

– Крупно потратился или весь день напрасно загубил? – спросил Данилов.

– Ни то, ни другое. Чтобы спокойно пройтись по магазинам, мы решили сдать пацана на пару часов в детский центр «Муллы», есть там такой, очень понтовый. Платишь триста рублей в час, и предполагается, что за эти деньги педагоги играют с детьми, рисуют с ними, лепят, песенки поют... Короче говоря, не дают скучать. Так, во всяком случае, декларируется. Сдали мы Женьку, обошли магазины, купили что надо, возвращаемся, а он сидит там весь в слезах и с мокрыми штанами. Явно что-то не так: он вообще-то спокойный пацан, не истерик. Начали расспрашивать и выяснили, что две козы, по-другому и не скажешь, которые должны были заниматься детьми, на самом деле занимались своими делами или просто отдыхали, а детям, чтобы те не мешали, поставили кино. У них там и проектор имеется. Угадайте-ка, какое кино показали малышам?

– Эротiku? – предположил Желтухин.

– Почему сразу эротiku? – удивился Шавельский. – Детям-то.

– Ну... раз штаны мокрые...

– Олег! – Шавельский выразительно посмотрел на Желтухина, и постучал пальцем по своей голове. – Моему Женьке, если ты забыл, всего пять лет скоро стукнет! Он элементарно описался, а не то, что ты подумал.

– От эротики дети не писаются, – рассудительно заметил Ломакин. – Дети от страха так делают. «Пилу» небось смотрели или «Кошмар на улице Вязов»?

– Ну, за «Пилу» бы я их вообще убил бы! – хмыкнул Шавельский. – И за «Кошмар на улице Вязов» тоже. «Властилина колец» они детям поставили.

– Ну это же сказка, а не ужастик, – сказал Беньков.

– Это очень страшная сказка, Олег! Отнюдь не «Белоснежка и пять гномов». Совсем не для пятилеток, во всяком случае. Кстати, сотрудницы «Мулли» сказали то же самое. – Шавельский поднял брови, вытаращил глаза, стянул губы в куриную гузку и смешно пропищал: «Это же сказка, классика, фэнтези...» Ага, классика! Видели мы эту классику! И никто не обратил внимания на то, что ребенок сидит мокрый, даже лужицу на полу не подтерли, так были заняты. Представляете?

– Они живы, Юра? – без тени улыбки спросил Ломакин.

– Живы, но высказал я им все, что о них думал. От всей души и на весь торговый центр, не исключено, что и на улице было слышно. Долго будут помнить! А жена вдобавок решила отрицательный отзыв о «Мулли» в Интернете оставить, полезла на форумы, так такого еще начиталась!.. Женьке, можно сказать, повезло, он просто пописал не там, где положено. Один мальчик, тоже оставленный сотрудниками без присмотра, залез на стол, неудачно спрыгнул с него и сломал руку. А уж об их кафе... У «Мулли» целый комплекс, все тридцать три удовольствия: и игровая комната, и магазин игрушек, и кафе, где по выходным детские дни рождения проводят. Об этом такие отзывы написаны, что непонятно, куда санэпидстанция смотрит. Кто таракана в гарнире нашел, кто после куриного шашлычка с «белого коня» сутки не слезал.

– Непонятно, куда смотрят? – удивился Желтухин. – Странно, что ты не понимаешь. Мне, например, понятно, поэтому я весь наш общепит игнорирую. Дома есть надо или если работа такая, как у нас, то на работе. А если уж приперло, то купи пачку печенья или крекеров и ешь на здоровье. Я что-то не слыхал, чтобы кто-нибудь отравился ими.

Тридцатипятилетний Желтухин был холостяком, жил один и ведением хозяйства себя особо не утруждал. Даже вещи носил такие, которые не требуют глажки.

– А для надежности надо запивать их коньяком, желательно армянским, – улыбнулся Шавельский. – Я этот армянский коньяк еще по пятнадцать рублей помню с буфетной наценкой. Совсем недавно дело было, и двадцати лет не прошло. А сейчас кусается коньячок, если, конечно, он не паленый.

– Двадцать лет назад ты уже пил коньяк? – Ломакин недоверчиво и неодобрительно покачал головой. – Рановато...

– Только начинал дегустировать. И не так уж и рано начинал, на втором курсе. Некоторые однокурсники уже водку стаканами пили.

– Забыл рассказать новость! – Ломакин хлопнул себя ладонью по лбу. – Наши деятели купили у каких-то барыг для тушения пожаров полсотни подержанных грузовиков «Урал» и «ЗИЛ», выпущенных двадцать лет назад, еще при Горбачеве, по документам провели их как новые. Теперь отговариваются тем, что якобы эти машины двадцать лет стояли на консервации и потому можно считать их новыми. Вдобавок какая-то фирмочка получила неплохие деньги за переделку машин под пожарные. В итоге, если новую автоцистерну можно купить примерно за три с половиной миллиона рублей, то эти перелицованные старички обошлись по четыре миллиона с хвостиком.

– Как и следовало ожидать. – Шавельский посмотрел на часы и встал. – Нам пора.

Посиделки закончились.

Если у Данилова день выдался спокойным, то у Елены – совсем наоборот. Она задержалась на работе до девяти вечера, а придя домой, прямо с порога начала делиться пережитым:

– У нас суицид на подстанции, прикинь! Мы все в шоке! – Данилов давно не видел жену такой растерянной. – Совершенно нормальный парень, третий год на «Скорой», спокойный,

вменяемый, без каких-либо проблем, живет в Егорьевске с мамой и вдруг вскрывает вены прямо на дежурстве! Нет, ты представляешь?

– Да, – кивнул Данилов.

Если врач или фельдшер «Скорой помощи» вскрывает вены после дежурства – это его личное дело, и администрация тут ни при чем, ведь со своими собственными венами каждый волен делать все что ему заблагорассудится. Если же суицидальная попытка происходит во время дежурства на подстанции, пусть даже и подальше от посторонних глаз, в запертом туалете, то это уже ЧП из разряда очень серьезных нарушений дисциплины.

Никакого цинизма, что вы! Просто уж если заступил на дежурство, то изволь доработать до конца. Опять же, не очень прилично надолго занимать один из туалетов на подстанции. Туалетов ведь всего три, да еще один из них вечно не работает. К тому же как-то несообразно сводить счеты с жизнью под аккомпанемент нетерпеливых стуков в дверь и криков вроде: «Кто там застрял? Давай быстрее!» То ли дело дома, в спокойной обстановке. Можно сделать все не торопясь, как следует, а остаток времени использовать для размышления о той самой вечности, в которую так торопишься.

– Никто не мог ожидать! Такой спокойный парень!

– Спокойные – они самые суицидальные, – сказал Данилов, – потому что все в себе носят, не выплескивают.

– Не знаю, не знаю... Пришел на работу в совершенно нормальном состоянии, никто ничего необычного не заметил...

– Если так произошло, то это еще не означает, что состояние было нормальным.

– Не знаю, не знаю. Сделать четыре вызова, заехать на подстанцию, отдать диспетчеру заполненные карты (имеются в виду карты вызова – основной документ скорой медицинской помощи, заполняемые на каждого пациента) и вскрыться в туалете? У меня это просто в голове не укладывается.

– Может, его на вызове довели? – предположил Данилов. – Ни с того ни с сего обвинили в чем-то ужасном или сильно напугали? Помнишь историю с Валерой Кабановым? Ее вся московская «Скорая» когда-то обсуждала.

– Кабанов? – Елена наморщила лоб. – Нет, не помню. Расскажи, пожалуйста.

– Валера был фельдшером на нашей подстанции. Летом в разгар отпускного сезона он работал один на полусуточной бригаде (полусуточная бригада – бригада, работающая на линии с 8.00 до 22.00 или с 9.00 до 23.00). Приехал на повод «женщина, 40, болит живот» к какой-то психопатке, которая, когда Валера стал пальпировать ей живот, обвинила его в том, что он хотел ее изнасиловать. Устроила скандал, звонила на подстанцию, написала заявление в полицию, тогда еще милицию, на центре всех достала своими письмами. Бедный Валера замучился объяснения давать (один день в милиции, другой – в центре). Похудел за месяц на двадцать килограмм, кожа и кости остались. Оправдался в итоге.

– Что-то не припоминаю. Наверное, мимо меня прошло. У нас же каждый день какие-то скандалы, что-то можно и пропустить.

– А самое главное, вся наша подстанция знала, что к женщинам у Валеры, в силу его нестандартной ориентации, не было никакого, как принято говорить, энтузиазма. Мы могли поверить во что угодно, только не в то, что Валера мог домогаться женских ласк.

– Да вроде не было скандалов. Фельдшер, который с ним работал, божится, что все нормально было, обычная рутина, ничего особенного. Госпитализировал нестабильную стенокардию с автобусной остановки, затем отвез острый аппендицит из поликлиники, побывал у двух постоянных клиенток-гипертоничек. Ничего такого. И со слов водителя настроение у доктора было нормальным, даже анекдот рассказал, когда на подстанцию возвращались.

– А большой и светлой любви на подстанции у него не было?

– Представь себе, что я тоже об этом подумала, – саркастически усмехнулась Елена. – Не было.

– Может, зашифровались хорошо?

– На «Скорой»? Я тебя умоляю! У нас долго не прошифруешься: максимум через неделю все тайное станет явным.

– Пожалуй, ты права, – согласился Данилов. – Не скроешься. А как спасли? Заподозрили неладное?

– Все гораздо проще. Один амбал из фельдшеров, которому сильно приспичило, рванул дверь так сильно, что сломал задвижку. Прикол хочешь?

– Да.

– Фельдшер «Скорой помощи» с десятилетним стажем упал в обморок, увидев на унитазе человека со вскрытыми венами. Представляешь?

– Ничего странного, – пожал плечами Данилов. – Фактор неожиданности сработал. Одно дело на вызове такое увидеть, и совсем другое – в сортире на родной подстанции. Это тебе не диспетчера в объятиях охранника застать!

– Но все равно как-то странно.

– Фельдшеру полагается медаль, – серьезно сказал Данилов. – Можно дать «За спасение утопающих», смысл-то примерно один.

– Тогда уж лучше диспетчеру, которая услышала шум падающего тела и пошла узнать, в чем дело. Она организовала спасение и госпитализацию.

– Но если бы фельдшер не открыл дверь, то и спасти было бы некого.

– Была бы моя воля, Данилов, я бы всем медали дала бы. А себе – орден. За терпение. Ты думаешь, что это единственное ЧП в моем районе?

– Что еще случилось?

– А-а, много всего. – Елена не захотела углубляться в подробности. – Сейчас начну перечислять – до ночи не остановлюсь. То машину из пневматической винтовки обстреляли, то врач с водителем анашу курили в дороге...

– Ну не на подстанции же это делать? – улыбнулся Данилов. – Сразу все набегут, будут кланчить – «дай затянуться», весь кайф обломают.

– Да, конечно. А вот с косяком в зубах мимо полицейского патруля проехать – самое то. И аромат на всю улицу из открытого окошка... Ну разве ж так можно?

– Надо было с закрытыми окнами мимо патруля проезжать. А косячок в кулачок спрятать и морду кирпичом сделать. Чтоб никаких подозрений.

– Тебе, Вова, шуточки, а мне – слезы. – Елена сделала попытку обидеться.

– Ты ужинать хочешь, или так и будем стоять в прихожей? – коварно поинтересовался Данилов.

– Буду! – сверкнула глазами Елена. – Я с утра ничего не ела, не до того было.

– Тогда я пошел жарить яичницу. – Данилов поспешил на кухню.

Елена и в самом деле была голодна, потому что даже и не подумала возмущаться: «Ну зачем ты меня искушаешь, Данилов? Какая может быть яичница на ночь глядя? Я же стану толстой, и ты меня разлюбишь!» – наоборот, попросила:

– А можно не просто яичницу, а с гренками?

Глава пятая

А у нас в квартире газ...

На подмосковной базе отряда в Бронницах постоянно дежурит пять поисково-спасательных групп по двадцать человек в каждой. Тринадцать спасателей (в то, что чертова дюжина – несчастливое число, здесь никто не верит хотя бы потому, что сам отряд «Главспас» был образован тринадцатого ноября), два кинолога с собаками, натасканными на поиск людей в завалах и т. п., четыре водителя, по совместительству также являющиеся спасателями, и один врач. Помимо врачей, которые постоянно работают только в составе поисково-спасательных групп, здесь дежурят и свободные врачи аэромобильного госпиталя.

Кроме пятиместных аварийно-спасательных машин легкого класса ГАЗ-2752, оснащенных полным комплектом необходимого аварийно-спасательного оборудования, приборов и инструментов, в каждой поисково-спасательной группе есть один реанимобиль, на выезде превращающийся в медицинский пункт. При необходимости на нем можно доставить пострадавшего или пострадавших (предусмотрено расположение вторых носилок над основным койко-местом). Главная задача врача поисково-спасательной группы заключается не в госпитализации пострадавших (на это «Скорая помощь» имеется), а в организации (и разумеется, оказании) медицинской помощи пострадавшим и своим спасателям (при необходимости) в очаге ЧС.

Спасатели – народ подготовленный, тренированный, огонь, воду и медные трубы прошедший. Однако разные бывают ситуации, всего не предусмотреть и не уберечься.

Дежурство началось весело благодаря завхозу Николаю Анатольевичу, точнее, неизвестному шутнику, изменившему название «План эвакуации», висевшего в коридоре первого этажа, на «План эвакуации».

– А если бы начальству на глаза попало бы?! Что тогда?! – вопил завхоз, потрясая злосчастным планом. – Кому отвечать?!

Николай Анатольевич негодовал совершенно искренне, без малейшего притворства. Щурил и без того узкие глаза, скалил прокуренные зубы, нервно дергал кадыком. Даже живот его, недвусмысленно говоривший о пристрастии Николая Анатольевича к пиву и сытной пище, колыхался как-то тревожно и неодобрительно.

– Мне! А почему я должен отвечать за какого-то хохмача?! Что мне, своих проблем мало?

Всем хватает своих проблем, но с другой стороны, иногда их может быть и впрямь мало, правда, вряд ли кто-то вздумает расстраиваться по этому поводу.

– И ведь это кто-то образованный нахулиганил, – в одной из комнат отдыха дежурной смены завхоз ударился в дедукцию, – возможно, даже с медицинским образованием!

При этом он подозрительно покосился на Данилова, читавшего в кресле детектив и не обнаруживающего никакого интереса к происходящему.

– Да заголовок уже месяца три как поменяли, просто ты, Коля, внимания не обращал, – высказался в защиту Данилова, еще не отработавшего и двух месяцев, спасатель Кувшинников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.